18+

Александр Хан-Рязанский

КАЖДОМУ АЗ ВОЗДАМ!

1945-2020

Александр Хан-Рязанский

Каждому аз воздам. Книга первая

«Издательские решения»

Хан-Рязанский А.

Каждому аз воздам. Книга первая / А. Хан-Рязанский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507891-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.1945–2020. 75 лет Победы в Великой Отечественной войне. Когда гриф секретности был частично снят, я по рассказам моего деда, капитана Смерш-4, написал роман. Имена главных героев этого романа изменены, а вот биографии подлинные и все максимально правдиво. Люди, которые видели эти события своими глазами, участвовали в них и были преданными патриотами своего государства. Сейчас на фоне оголтелой русофобии, что ежедневно звучит из-за рубежа, пора вспомнить, что такое русский патриотизм.

ISBN 978-5-00-507891-9

© Хан-Рязанский А.
© Издательские решения

Каждому аз воздам
Книга первая

Александр Хан-Рязанский

© Александр Хан-Рязанский, 2019

ISBN 978-5-0050-7891-9 (т. 1)
ISBN 978-5-0050-7892-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора.

Я ни в коем случае не смею утверждать, что описанные в этом романе события имеют документальную достоверность, но могу с уверенностью сказать, что в романе присутствуют некоторые реальные исторические персонажи. Почти все имена главных героев этого романа изменены, но все, что в нем описано, подано максимально правдиво. Также изменено название города, где происходили эти драматические события. Некоторые факты, касающиеся работы Смерш засекречены до сих пор и скорее всего, будут находиться в этом состоянии вечно. Об этом, чтобы не шокировать историков и общественность позаботились люди, которые видели эти события своими глазами и участвовали в них. Какой ценой им далась эта победа, достоверно знают только они, преданные патриоты своего государства. Сейчас на фоне вражеской оголтелой русофобии, которая ежедневно звучит из-за рубежа эти слова выглядят несколько странновато, но это было так! А вот второстепенные герои и проходные действующие лица в романе мною вымышлены и биографии списаны с моих многочисленных знакомых и родственников. Конечно, этот роман не лишен художественного вымысла, иначе это будет не роман, а сухая сводка фронтовых новостей. Мне пришлось вынужденно смягчить большинство жутких фактов, которые мне посчастливилось услышать из первых рук. Иначе я прослыл бы убежденным мазохистом и гомофобом. Я предал роману некую развлекательную составляющую и перевел его в беллетристику. А этот жанр, как известно, пища для ленивых мозгов, это увлекательный приключенческий боевик времен Великой Отечественной войны. Роман рассказывает, не просто о военной прифронтовой контрразведке Смерш, а о малоизвестном сверхсекретном отделе Смерш – 4, где главной целью была работа по заброске советских контрразведчиков диверсантов в тыл противника. Если большинство военных диверсантов во время Великой Отечественной войны имели боле широкое поле действий в тылу врага, то Смерш-4 был остро заточен, только на одну определенную боевую задачу. Это были жесткие и порой жестокие ликвидаторы вражеских диверсионных школ, которые были расположены в тылу противника, их время войны, расплодилось великое множество. Эти невероятные военные действия в тылу врага мне рассказывал, на протяжении 20 лет, мой дед капитан контрразведчик Смерш – 4. С того времени, в тайне от деда, я стал делать записи в своем дневнике, а когда гриф секретности был частично снят, решил все эти воспоминания свести в один роман. Все биографии главных героев почти достоверны и списаны с реальных людей, которые действительно существовали. Первая книга романа охватывает временной период с 1916 г по 1943 г. Все записано без сокращений и цензуры, поэтому, из-за насилия и обилия кровавых сцен, будет возрастной ценз 18+.

Это невероятные события времен Великой Отечественной войны, рассказывают о противостоянии двух серьезных разведок, советского Смерш и гитлеровского Абвера, где жизнь человека, порой имела второстепенное значение и не стоила ломаного гроша. Главное цель, а люди это сопутствующие детали. Так же я не придумал главную героиню и соответственно

всю любовную линию, я лишь украсил реальную жизнь главной героини, некоторыми характерными для художественного произведения живописными подробностями. Судьба главной героини трагична, но я должен описать все, хотя мой дед был категорически против разглашения. Надеюсь, на вечных небесах, он меня простит. Я лишь исполнил главное непререкаемое условие деда, предать огласке действия группы во время войны, только после смерти всех главных героев. В 2011 году, в возрасте 91 года, ушел из жизни последний участник этой группы. К сожалению, мы – потомки людей, совершивших этот подвиг, очень мало знаем подробностей о них, отдавших свои жизни ради грядущей победы над фашизмом, который сегодня опять поднимает голову на Западе и даже на некоторых постсоветских территориях. Доказательством этому служит увлеченность некоторых ультраправыми идеями. История во многом превратилась в орудие пропаганды, которое сильные мира сего используют так, как им выгодно. Непростительно забывать истинную цену той Победы. Этому не бывать!

Предисловие

Стояли последние теплые деньки бабьего лета. Середина осени 1996 года. Тихий провинциальный городок Ряжск, что на Рязанщине. На площади Советской, бывшей Базарной, на которой когда то, до 1924 года, стояла церковь Святой Троицы, в уютном уголке возле магазина «Золотой», сидел крепкий седой старик. На его груди блестела эмалью и позолотой довольно внушительная куча орденов. Почему-то каждую осень, когда природа начинает готовиться к зимней спячке, на него накатывала грусть. Со времен прошедшей войны он не любил осень. Слякоть, ветер, перемена погоды, утренние заморозки, на него действовали удручающе, вызывали депрессию и какую-то непонятную тоску. Она словно напоминала о бренности бытия, в такие минуты почему-то ему всегда вспоминались детские годы и близкие люди, многих из которых уже нет рядом. Он никогда не рассказывал про свою непростую жизнь. Старик просто не любил, когда лезли в шкаф и начинали пересчитывать, выстроенные в рядок его скелеты. А там их было предостаточно и он с успехом, мог сказать, что список его смертных грехов, как-то подозрительно смахивает на список его жизненных планов. Растревожил себе память, разворошил, как потухший костер, и понесло его по воспоминаниям, сначала детских, безоблачных, потом тревожных, отроческих и не совсем радостных в зрелые годы. Прошло очень много лет, но память коварная штука, ничего не хочет забывать, выдает и выдает все новые и новые эпизоды его шальной жизни. Его личный опыт подсказывал, что подарки делает судьба, а в дерьмо влезаешь, как правило, сам, по собственному желанию. Когда-то, в пятидесятые годы, он по настоянию своего друга и фронтового товарища, переехал в этот уютный старинный город. Он ему нравился своей провинциальностью, жизнь здесь, как будто застопорилась в прошедшем времени, когда он еще молодой и сильный считал, что может перевернуть весь мир. На новом месте он прижился и никогда об этом не жалел. Друга своего, с которым они прошли сквозь огонь и медные трубы в ужасное военное лихолетье, он похоронил два года назад. И каждый год, осенью не спеша, в день смерти его закадычного друга, он приезжал в сопровождении внука Дмитрия на Братское кладбище, где на военном мемориальном некрополе города Ряжска, нашел своё последнее пристанище его военный друг и соратник, который несколько раз спасал ему жизнь во время войны. Он присел на ступеньки часовни у входа в мемориал и, пока Димка шел по широкой аллее в глубину мемориала, чтобы возложить цветы под центральный обелиск, незаметно достал плоскую карманную фляжку и торопливо отпил несколько глотков. Сыновья и дочь, а также трое уже взрослых внуков категорически, до жуткого скандала, запрещали ему пить спиртное, но в этот день он решил отступить от этого правила. Неожиданно подъехал шикарный джип, из него вышла высокая, красивая в своем возрасте старушка в сопровождении двух молодых людей и направилась к обелиску. Молодые люди несли огромную корзину гвоздик.

– Степанида? – окликнул её дед! Она подслеповато вгляделась в лицо и всплеснула руками, – Господи, Саша, родной ты мой! Как я рада тебя видеть! И мелкими шажками заспешила к деду. Молодые люди остановились и с интересом разглядывали деда. Они трепетно обнялись и застыли. Старушка не выдержала и расплакалась, дед, вынув платок, стал нежно вытирать слезы с её, все еще красивых щек. Наконец она отстранилась от деда, перехватила у него носовой платок и начала вытирать запотевшие очки. Дед украдкой сунул ей фляжку с коньяком, она, посмотрела на него с удивлением, но фляжку взяла и сделала большой глоток и, крякнув, как мужчина, отдала фляжку деду.

– А ты со времен войны так и не научилась пить коньяк!

– Спасибо мой дорогой это было, как нельзя, кстати, вот приехала к Сереже, так как еще не была после похорон на месте его погребения, то болела, то внуки затеяли мой переезд в Рязань, поближе к себе.

– Ну, как ты, Саша? Болеешь, наверно? Я тоже, после смерти Сережи стала хандрить.

– Стеша, как говорил твой муж, царствия ему небесного, если тебе уже полтинник, а ты поутру бодро встаешь, и ничего у тебя не болит, значит – ты в морге! По аллее возвращался внук Димка, Степанида внимательно стала разглядывать юношу.

– Так-так! Вижу в лице этого молодого человека знакомые черты и характерное телосложение, для сына он слишком молод, выходит это внук твой?

– Да Стеша это старший внук Дмитрий, курсант Академии МЧС, приехал на побывку. Через три дня уезжает на учебу.

– Как же он вырос, я его видела еще, когда он под стол пешком ходил. Как твоя жена? Привет ей передай! Будет время, я заеду поболтать с моей старинной подругой. Ну, я пошла, надо цветы возложить и убрать вокруг. Будь здоров, дорогой ты мой человек! Димка поздоровался, почтительно остановился в сторонке и во все глаза разглядывал Степаниду.

– Какая статная и колоритная женщина! Ох, и была она наверно красавица, в молодые годы? – Да Димка, это лучший образец женщины, которых мне приходилось встречать на своем долгом веку, это лучший эталон красоты и порядочности русских женщин. Подобные женщины в наше время уже большая редкость!

– Дед, а кто такой этот человек, что изображен на обелиске, ты никогда о нем не рассказывал? Бравый такой, умный пронзительный взгляд и такое живое, одухотворенное лицо.

– Дмитрий, если бы этого человека не было в моей жизни, то возможно и вы, никогда не появились на этом свете!

– Вот как! – И чем же знаменит этот человек, я смотрю он заслуженный, генерал-майор, вон, сколько орденов у него на фото, больше чем у тебя! – Да Дима, он начал свою работу в разведке задолго до того, как встретил меня в далеком 1933 году. Дед достал из внутреннего кармана орденскую книжку и вынул из неё пожелтевшую фотографию, – Обрати внимание на петлицы – четыре кубаря, этот снимок сделан до 1935 года, когда постановлением ЦИК и СНК СССР четыре кубаря капитана, сменили на одну шпалу. Я познакомился с ним в 1933 году, он уже тогда был капитаном, я, как раз, провалил экзамен в военное училище в Киеве и был на перепутье. Ему дважды писали представление на присвоение звания Героя Советского Союза, но его ершистый характер и сумасшедшие выходки в тылу врага во время войны, так и не позволили присвоить ему это высшее звание воинской доблести в СССР. Но он никогда об этом не жалел. Наград у него и так хватало, три ордена «Красной Звезды», два ордена «Отечественной войны» обеих степеней, орден Ленина и Орден Богдана Хмельницкого II степени, а медалей за «Отвагу», «За Победу над и взятие…» без счета, эти награды говорят сами за себя.

– Я, уже видел эту фотографию, мне бабушка показывала, тут ты еще совсем молодой, стоишь с каким-то суровым военным, это он? – Да Дмитрий, это он бандит и налетчик, гроза Ряжского уезда во времена далекого НЭП в Советском Союзе

– Не может быть, как он умудрился из бандита стать генералом?

– Неисповедимы пути Господни, про его героическую жизнь надо писать романы.

Тут к внуку подошли две симпатичные девушки, одна из них игриво обратилась к нему, – Димка… Шульга, – ты придешь сегодня на дискотеку в Дом Культуры? – Да, Марина я буду с братом Сашкой! Дед подмигнул, – Что пострел, пользуешься успехом у слабого пола? Смотри, доведут они тебя до цугундера! – Ну что ты, дед, сейчас время другое и за сомнительные знакомства уже давно не привлекают. У нас просто приятельские отношения и ничего больше. Одна из них неровно дышит к Сашке. Я другую девушку люблю! Они медленно поднялись со ступенек часовни, и пошли к автомобилю. Прощай мой старинный друг! Мирная жизнь продолжается…

Глава первая

Александр Шульга с наслаждением растянулся на деревянных нарах, день прошел, туда ему и дорога. Впереди еще более пяти лет этого ада, этих нечеловеческих условий. Думать ни о чем не хотелось, хотелось мучительно спать, только сон мог выключить этот кошмар, который уже два с лишним года, длился не по его воле. Шульга по этапу, добрался до Колымы к концу 1938 года. К тому времени, либеральное правление в лагерях закончилось, а рассказы о новом распорядке содержания радости не прибавляли. Этот лагерный пункт, был одним из 58 лагерей Дальстроя, раскинулся у подножия сопки сплошь покрытой вековыми деревьями. Бараки довольно старые, но ближе к подножию сопки, белеют срубы и новых строений. Строится новая санчасть, за санчастью, несколько зеков в черных спецовках и с большими цифрами на груди, копают огромные ямы под фундамент барака усиленного режима (Бур). Столовая тоже новая, её отстроили всего два месяца назад. Шульгу поселили во втором бараке, расположенном несколько выше, совсем рядом находился КПП лагеря. Он устроился на верхних нарах, где нет вертикальных стоек, подальше от окна, это суровый Север и холодного пронизывающего ветра здесь хватает. А банальная простуда, в течение недели может с легкостью осложниться и отправить тебя в мир иной. Вообще летом здесь очень красиво из окна открывается изумительный местный ландшафт. Сопки со скалистыми вершинами, изумрудное плато, речка с бурлящим потоком переходящая в перекат и гомон северных птиц. Но всю эту райскую красоту, этот альпийский пейзаж, угрюмо венчали неказистые черные вышки с угрюмыми автоматчиками. Те, кто уже давно здесь, прекрасно знают, что в этих лагерных пунктах, закон имеет второстепенное значение и все, что ты можешь тут получить, за свой нечеловеческий труд, будет пустая баланда, да маленький островок каши. Формально, его судили по 197 статье, за превышение служебных полномочий, а потом вдруг, собрали все в одну кучу, так как существующая судебная практика изменников родины и бабников при случае смешивала в одну кучу их действия и квалифицировала одинаково – статья 58. ч.1 УК РСФСР (контрреволюционные преступления). То есть, как говорил Шульга, Володе Назарову, соседу по нарам, – Я получил свой срок за то, что залез не на ту революционерку, на что, засмеявшись, Назаров ответил, – Выходит дорог нынче лохматый сейф, раз за пользование женским телом, судят, как за контрреволюционную деятельность! У Шульги не было претензий к судебной тройке, срок он свой получил за дело, как говорится, вначале надо было со своими бабами разобраться, но он одного не мог понять, почему их политзаключенных держали заодно с ворами и грабителями? Ведь это не люди – это людоеды! Мало того, что они уничтожали себе подобных, можно сказать, собратьев по несчастью, так они еще умудрялись прицепом третировать нас политических. Не проходило и дня, чтобы кого-то не выносили по утрам, ногами вперед! Резали и убивали за неосторожно оброненное слово, за мизерную краюху хлеба, за отстаивание своих взглядов, которые могли отличаться от их пещерных правил. Причем в большинстве там не на, что было смотреть, маленькие, плюгавенькие, щербатые, там греху то зацепиться не за что, но гонору и косноязычия хоть отбавляй. А эта, так называемая воровская феня, порой доводила его

до белого каления. Эти воры говорили как будто бы по-русски, но Шульга с удивлением ловил себя на том, что не понимает и доброй трети произносимых этими странными людьми слов. И порой он испытывал непреодолимое желание, набить всем этим невеждам морду орфографическим словарём русского языка. У этих недочеловеков, поголовно, со временем вырабатывается менталитет волка – уступил? Значит слабый! Раз слабый – надо дожимать и топтать дальше! И тут же, если получил достойный отпор, начинают попутно подшучивать над неугодным, чаще, иронично унижать его своим довольно таки, злобным и воинственным сарказмом и пренебрежением. То есть напрямую они доставать уже опасались и ждали, когда он сам нарушит свод воровских понятий, дальше сходняк воров, вызов его на правило и, как закономерность, ставят на ножи. Не идти нельзя, убьют сразу на месте! Особенно беснова-лись так называемые воры и их прислужники из шестерок. Их известный девиз: «Ты умри сегодня, а я завтра», как никогда подходил именно для этой среды! Работать они не любили, да и делать ничего не умели. Помимо воров, политических очень третировала администрация лагеря, а военный конвой из солдат и офицеров, вообще зверел от малейшего неповиновения, стреляли в любого, кто посмотрит криво или не туда шагнет в колонне по пути на работу. Майор Старцев, садист и сумасброд, начальник лагерного пункта, очень любил водочку с селедочкой и порой, изрядно поддав горячительного, размахивая пистолетом, издевательски орал с крыльца администрации: – Запомните, паскуды, сталинская конституция для вас – это я! Вы никто, вы – пыль лагерная! Что хочу, то и сделаю с любым из вас! Я для вас закон и я для вас мама и папа! Прибегал, матерясь, зам. начальника лагеря по режиму, отбирал пистолет и уводил его спать. А люди и так умирали ежедневно по несколько человек. Равнодушный вахтер сверял номер личного дела с номером уже готовой таблички, прокалывал покойнику грудь специальным стальным штырем и выпускал умершего, как говориться, на вольные хлеба! Больше всего людей, помимо холода и изнурительной работы на Колыме губит образованная система пайков – сколько наработал, столько и получишь. Иногда приходили очень большие этапы с большой земли и, так как в лагерь никогда не присылали газет и другой периодики, то новости передавались от человека к человеку, а если вдруг находился клочок газеты, то мигом разрывалась на «тарочки», узкие полоски, для самокруток. Бумага здесь ценилась очень высоко, а радио и кино отсутствовали в принципе. Все ждали новостей, выискивали земляков с вновь прибывшего этапа и слушали новости с Большой земли, а в основном успевали перекинуться парой фраз, как там, на воле и есть ли курево, прибывших сразу загоняли в карантинный барак. Месяц полтора доходяги, прибывавшие с этапа, помещались в карантин и не работали, кормить старались приемлемо. Это делалось для сохранения, точнее, для временного сохранения, рабочей силы. Любой лагерный пункт был рассчитан, в конце концов, на постепенное истребление всех заключенных – от голода, цинги, туберкулеза и от других болезней. Даже если природа награждала от рождения отменным здоровьем, человек жил в таких условиях всего несколько месяцев. Была середина 1941 года! Новость о начавшийся войне всколыхнула весь контингент лагеря. И принес её начальник режима во время общего собрания. Урки, обзывали его кумом, а его помощника, женственного вида лейтенантика, называли подкумком! Вообще кум или зам. начальника лагеря по режиму имел довольно большие полномочия в этой специфической среде, больше, чем сам начальник лагеря. Если начальник лагеря, так называемый «хозяин» был из специальных войск МВД, которого в основном волновал только план суточной выработки, то кум, следящий за режимом содержания, обязательно подбирался из органов НКВД. От него здесь зависело все! Это, как особист при штабе полка! Это кум постепенно усиливал режим, урезал суточную пайку, работал с доносчиками, пресекал попытки побега, а работать порой заставлял по двенадцать часов при любой погоде. Все с нетерпением ждали вестей с фронта, но информации было очень мало, знали только то, что фашисты потерпели поражение под Москвой. Многие кулаки, шпионы, изменники родины, прибалты, шушукались по углам, вот, наконец-то, большевикам придет кердык. Только Шульга ночами молча, скрипел

зубами от злости и бессилия, что он, кадровый офицер-контрразведчик, на которого Родина потратила столько средств, выучила, одела, обула, вынужден прозябать здесь, в этом забытом богом крае. Урки еще больше распоясались, еды стало меньше, работы больше, террор конвоя усилился. Месяц назад перевели к ним в жилой барак из барака усиленного режима (бур), братьев Поповых из Читы. «Попики» как их тут метко окрестили, чувствовали себя в этой среде, как рыба в воде. Старший брат горбатый и беспалый инвалид и злющий как черт. Средний, худой, маленький, в чем дух держится, законченный садист и беспредельщик. Прибился к ним еще один хлыщ, Овсянников, по кличке Овес, он приходился им племянником, высокий рыжий детина, лошадиное, землистого цвета вытянутое лицо в оспинах, сразу наталкивала на мысль, что интеллект там даже не ночевал. У Овса всегда с собой были закоцанные стиры, он их крапит своим, только ему известным способом и он порой так искусно, перед игрой зарядит пулемет, то есть колоду карт, что играть с ним пустое дело. Он всегда хвалился перед молодыми зэками, воровскими прибаутками, чтобы закоцать стиры по уму, нужно не один год провести на казенных харчах у хозяина. Как только приходит новый этап, Овес тут как тут и напевая свое неизменное: «Вася, крой – грачи летят, не накроешь – улетят» Смысл этой гнусной песенки в том, чтобы выбрать простоватого арестанта по первой ходке и вовлечь в азартную карточную игру, если этого не сделать сразу, потом уже не получится, так как арестанты земляки или знакомые сразу объяснят, что за этим кроется. Позже новичку будет понятен этот бесчеловечный прием, когда он проиграет месячную норму сахара или пайку хлеба, а без пайки в лагере верная смерть, на тяжелую работу ты должен выходить каждый день. Но главным, у Овса были не карты, а животный интерес, эта тварь страсть, как любил одно омерзительное занятие – он любил молодых и неопытных мальчиков. Приходит по этапу симпатичный парень в возрасте от 18 до 25 лет и ошарашено несколько дней привыкает к местным порядкам

Он еще очень смутно представлял куда попал и чем это ему грозит. Ни лагерных понятий, ни знакомых он еще не успел приобрести. Если ты слаб духом, то эти скотские воровские понятия в лагере со временем травмируют человека до основания. Шульге всегда было мучительно стыдно наблюдать за истощенными людьми, окончательно утратившими свой человеческий облик. А с едой в лагере была просто катастрофа. Опустившиеся люди, ели все, что маломальски напоминало еду, прогорклый цвета красной побежалости маргарин, промасленную бумагу, все то, что когда-то было съедобным или напоминало съедобное. А так называемые воры, глумясь над человеческим желанием просто выжить, кидали им дубелую шкуру от балабаса (сало), которой утром они толпой чистили свои сапоги и ржали как умалишенные. А те, которые окончательно опустились, выискивали в мусорных баках, всевозможные очистки картофеля, головы от кильки, делали смывы из порожней посуды, а вечером, собрав все эти, отдаленно напоминающие продукты, варганят себе что-то наподобие супа. Это жуткое порождение ежовской пенитенциарной системы придумано специально, чтобы унизить и окончательно сломить волю человека.

Овес, всеми известными ему «добрыми» способами, приближал молодого парня к себе, подкармливал, не давал в обиду, всюду таскал за собой, даже ел с ним из одной миски, но потом, как бы невзначай, предлагал сыграть в карты, «на просто так». А в воровском мире существует понятие, что «на просто так» никогда играть нельзя, а раз сел играть и если проиграешь, а проиграешь ты обязательно, то будешь расплачиваться натурой. Так как долг ему отдать нечем! Пайку отдавать нельзя, ему уже успели объяснить, чем это грозит. И он всегда проигрывал, так как карты были все крапленые. Игры – очень распространенное средство разведения первоходов. Умелый карточный шулер, всегда чуточку психолог и играя на чувствах важности и значимости, ненавязчиво гнет свою людоедскую линию, он коварно расставляет сети, о которых наивный первоход даже не подозревает. Конец всегда один и закономерен и никогда не в пользу молодого парня.

Опытный Овес долго подводит жертву к игре, зачастую часто ему проигрывая, расточая похвалы или подкалывая, заставляет его потерять бдительность и поставить на игру все, что у него есть и даже больше и затем наносит решающий удар. Овсу было наплевать на воровские понятия и правила, что нельзя играть под интерес с человеком, который пробыл в лагере меньше полугода. Игра под интерес, кроме плотских утех, было выгодна и остальным ворам, так как игроки под интерес платят в общую воровскую кассу некую положенную сумму или, как в нашем случае, дефицитными продуктами. До 1938 года хранение дензнаков на территории исправительно-трудовых лагерей каралось тюремным сроком, как для зэка, так и для администрации, вплоть до начальника лагерного пункта. Это делалось для того, чтобы лишить любителей азартных игр предмета выигрыша и проигрыша. Для лагерного хождения были введены так называемые «боны» или купоны. Однако каталы умудрились играть и на боны. И человек проигрывался в пух и прах, а еще со времен чеховского «Острова Сахалин» и поныне карточный долг является для арестанта делом чести. А чем отдавать долг? Кроме молодого тела – ничего больше нет!

И, как результат, по ночам из их отгороженного воровского угла, доносились сдавленные крики и возня. Его за карточный долг попросту насиловали. Потом этот парень шел по рукам. В дальнейшем любой из воровской масти имел право подойти и поставить его раком, при отказе лицо разукрасят так, что он всю жизнь будет помнить свою игру в карты. Отныне он не властен над своим телом, он становится изгоем лагерного сообщества, там, где воры или работяги обитают, едят, кучкуются, байки травят, ему появляться категорически запрещено, иначе убьют. Дырявому, как их здесь называют, не положено спать на нарах и тем более на них нечаянно присесть. Он становится в бараке штатной прачкой, стирает белье воров, моет пол, ловит живность в одежде воров, а вечером голый обходит по очереди все нары и вступает в половые отношения с любым, кто его пожелает. Глубоко за полночь ему, наконец, разрешают поспать под нарами. Свою миску и ложку он всегда держит при себе и если вдруг он об этом забудет и поставит свою посуду вместе с воровскими чашками и ложками, его ждет жестокое наказание. Это грубая и непростительная ошибка воровских правил и бить будут до потери сознания. И так каждый день! А отбывать свое наказание в таких жутких условиях ему придется весь срок. О человек, ты самый мерзко-пакосный подвид млекопитающих на Земле. Мерзость!

Шульга несколько раз пытался этому помешать, но, сосед по нарам, Володя Назаров его останавливал, – Не вмешивайся Санек, он сам сел добровольно играть, а если ты вступишься, то тебя воры потащат на правило. Твои действия будут трактоваться не по понятиям! Предложат исправить этот косяк и вернуть долг тебе. А там их будет не один десяток и при положительном решении воров, что ты не прав, тебя поставят на ножи. От всех, ты не отмахнешься. Их слишком много. Вокруг братьев Попиков всегда крутилась пара-тройка шестерок, которые были на подхвате. Принеси, подай и пошел к черту – не мешай! Попики были потомственными ворами, старший начинал тюремную жизнь еще наверно при царе Николае Втором, младший Попик, худой, изможденный, намного моложе старшего, но какой-то он был заторможенный, всегда ходил угрюмый и злой, но заточкой и ножом махал неплохо. Хоть шмон (обыск) проходил ежедневно, он всегда умудрялся вовремя спрятать заточку. Он каким-то шестым звериным чутьем узнавал, что сейчас будет произведен шмон и с криком, – Атас, шухер, цветные на шмон канают, – вбегал в барак, и они успевали все запрещенные предметы попрятать. Минут через пять, залетали несколько солдат с офицером, всех зеков выгоняли на мороз, выход и вход перекрывались, и начиналась вакханалия, вспарывались подушки, матрацы, поднимались половицы, опрокидывали печку-буржуйку, простукивались стенки, перетряхивалась и ощупывалась вся одежда. Что интересно, вертухаи, никогда не приходили в одно время, время прихода всегда держалось в строгом секрете, но каким образом средний Попик узнавал об этом, так и оставалось загадкой. Казалось бы, ну что можно спрятать в таких диких условиях? Нет же,

ворье всегда что-то придумывало новое и порой вертухаи дивились находчивости этих сидельцев. Как-то, эти сучата, изобрели новый способ изготовления и сохранения браги, сахар был на вес золота, так они умудрились ставить брагу на ягоде морошке и голубике и щепотке сахара, если удавалось, у кого нибудь выиграть в карты месячную пайку. Шестерки, выходили работать в лес, но не работали, а заготавливали ягоду и по горсти, по карману, проносили в лагерь. Когда набиралось нужное количество ягод, все приготавливалось и они ждали удобный случай. Обычно это был, какой нибудь предпраздничный короткий день. По бараку в нескольких местах висело несколько красных огнетушителей на случай пожара. Так эти доморощенные бутлегеры, вскрывали их, выливали все огнегасящее содержимое, промывали и все огнетушители заполнялись брагой. Все это чинно вывешивалось на положенные места и ждали, когда брага подойдет. Шмон, как всегда производился каждый день, но вертухаи ни о чем не догадывались. Проходила неделя, другая и начинался пир, как правило, он проходил ночью. Вот тогда Шульга насмотрелся, какой все-таки дурной народ, эти воры, их злобность и неадекватность превышала все нормальные пределы человеческих отношений. Перепившись браги, это были уже не люди, а звери. Им доставляло видно удовольствие, измываться над людьми, которые не могли себе позволить постоять за себя. Поднимали сонных работяг и начинали измываться над ними. Хорошо, если все это заканчивалось банальным мордобитием, но так бывало редко. Малейшее неповиновение и тебе в бок вонзалась острая заточка. Им ничего не стоило, схватить за голенище сапог или выломанный черенок от метлы и, пробегая по продолу (коридору) барака, разбивать спящим головы всем подряд. Этим любил заниматься садист Овес. Никто не мог ответить, иначе забьют до смерти. Разбили один раз голову и Шульге, когда он спал, Шульга, молча, слез с нар, набрал воды из бачка, умылся, протер чистой тряпкой рану и пошел в воровской угол. Володя Назаров схватил его за руку, – Санек, ты куда? – Убьют же, их трое и они все упившиеся! Шульга ничего не ответил, просто в бешенстве вырвал руку и направился к ворам.

– Овес, можно тебя на минутку?

– Кто там такой борзый, бессмертный что ли? – немедленно откинулся полог, показалось отвратительное, рыжее в оспинах лицо Овса.

– Значит ты тварь, продолжил Шульга на фене, – Не считаешься с честным воровским законом и при случае запала, заваливаешь пса? То есть, ты считаешь, что это правильно, бить спящих людей сапогом по голове? Ты, сучонок, действительно решил, что твое поведение подобным образом, по воровским законам, не считается подлым поступком?

– Имею право, мы воровская масть!

– Какие вы воры, вы стервятники и вас надо повсеместно истреблять, честные воры такой беспредел среди арестантов не приветствуют. Да кто бы он ни был, это же все-таки человек, пусть виновен, пусть проигрался, но он не должен подвергаться таким пыткам и унижениям. Ты падаль, и ты не должен жить на этом свете, твой жуткий смрад разносится далеко вокруг и отравляет жизнь нормальных людей.

Ответить Овес не успел, Шульга сверху вниз ударил в это ненавистное лицо со всей силы. Овес тихо хрюкнул и, как в замедленном кадре, повалился на пол. Двигаясь дальше, по ходу, он ребром ладони проломил ему кадык и тот замолчал навеки. Старшего Попика он убил ударом в сердце открытой ладонью, а младшему, для начала сильнейшим ударом ноги в промежность устроил знатную яичницу, а когда он жутко заверещал и схватился за причинное место, просто руками переломил его цыплячью шею! Весь барак смотрел на это смертоубийство, но никто не проронил ни слова. Молча поднялись с нар Володя Назаров и еще трое политических. Они оттащили труппы в закуток, потом оставшуюся брагу разлили по одежде, переворошили все их постели и измазали кровью два кирпича, которые для жара, лежали на печке-буржуйке. Так же молча, они улеглись на свои места и затихли. Шульга вымыл руки и тоже, не проронив ни слова, лег на нары. В бараке повисла гнетущая тишина. И тут вдруг, в звенящей тишине

в дальнем углу раздался тихий хлопок, потом еще один, потом два, три и весь барак, а там было больше двух сотен человек, дружно захлопал. Володя Назаров привстал и тихо шепнул на ухо Шульге, – Сэр, аплодисменты в вашу честь! Вы это заслужили сударь, надеюсь, не найдется сучонок, который донесет этот акт возмездия куму! А здорово у тебя, получается, драться, где научили?

– Жизнь несчастная научила! Рано утром Володя Назаров, как бы невзначай, подошел к двум шестеркам и между делом предупредил, что если вдруг, нам покажется, что вам надоела ваша бренная жизнь, то мы это дело можем быстренько исправить и темной ноченькой попросту тихо удавим. И также скажем, что вы поубивали друг друга! Через час, влетел в барак кум, кипеж был вселенский, сначала фирменный кропотливый шмон, потом допрос с пристрастием каждого зека. Все твердили, как под копирку, вот огнетушители, вот брага, вот кирпичи, перепились и поубивали друг друга. Кум, как ни орал, как ни бесновался три дня, но так ничего толком не добился, другие твердили, что спали и ничего не видели. Трупы днем отнесли на проходную вахту и жить стало чуть спокойней. Ворье притихло и ждало перемен. И они дождались! Осенью вышел известный приказ Сталина, о фильтрационных лагерях и принудительной высылке неблагонадежных из прифронтовой зоны и все очень сильно в лагере изменилось. Сюда стали прибывать люди, ни каким образом не связанные ни с политикой, ни с блатным миром. Это был контингент с неблагонадежной пятой графой. Стали прибывать поволжские немцы, чеченцы, кабардинцы, карачаевцы, греки, крымские татары, но были и полицаи, прибалты и откровенные бандеровцы успевшие послужить у немцев, которые люто ненавидели советскую власть. Этих последних невзлюбили и воры и политические. Воры поняли, что с этим контингентом им не справиться, это были здоровые, упитанные на вольных хлебах люди и им в корне не понравились воровские понятия. Эти люди хотели просто выжить и по возможности сохранить свои жизни. Но полицаи и бандеровцы стали по одному неожиданно пропадать, то в просеке сосной придавит, то током убьет, то замерзнет за бараком. Добавило сумятицы и то, что стали прибывать фронтовики из тех, которые были когда то ворами, но изъявили желание воевать на фронте. В начале войны многие «законники» были призваны в РККА из лагерей, правда находились и те, кто пошел на фронт добровольцем. Такой поступок считался порочащим масть вора и однозначно служил поводом для развенчания обладателя этого титула. Впоследствии их «правильные воры» окрестили ссучившимися ворами или просто суками. Они по каким-то причинам, завязали с воровской жизнью, ушли добровольно на фронт, но преступили суровый закон войны и оказались здесь. И началась нешуточная резня! Резали сук непримиримые воры, а честных воров резали суки, доставалось и политическим. Но, как ни странно, ссученные воры и осужденные фронтовики так не беспредельничали, как урки, видно знали цену человеческой кровушки. Война катилась по просторам СССР, уже была занята Украина и Белоруссия, этот вал сметал все на своем пути.

К осени 1942 года, когда немец подошел к Сталинграду, был издан приказ, где предписывалось создавать на фронтах подразделения контрразведки для выявления в прифронтовой полосе предателей, дезертиров, агентов вражеской разведки и их пособников. По сути, начала создаваться фронтовая контрразведка. Немец пер напролом, занял Минск, Киев и подходил к Сталинграду. Катастрофически не хватало кадровых разведчиков. Тогда начальник Управления Особых отделов НКВД СССР Меркулов с заместителем начальника 1-го Разведывательного управления НКГБ СССР Судоплатовым (позже он стал преподавать в Школе особого назначения НКВД), обратились к Берии с предложением, выпустить из тюрем бывших сотрудников разведки и госбезопасности, которые были уволены или находились в заключении. Лаврентий Берия, помявшись для порядка, дал согласие. Многие бывшие разведчики, находящиеся в заключении, начали сами писать заявления с просьбой вернуть их в строй, так как решили, что лучше смерть на фронте, чем медленно сходить с ума в этих нечеловеческих условиях. Написал такое заявление и Шульга, и забыл об этом, суровая реальность Колымы,

начисто выбивала все надежды, прошло три месяца, никто его не вызывал и он уже смирился со своей участью и стиснув зубы вкалывал на лесоповале. Усиленная пайка хлеба, была платой за этот стахановский труд. И вдруг, вечером, когда вымотавшись до предела, Шульга хотел без сил, грохнуться на нары в бараке прозвучала его фамилия: – Шульга, зека Шульга, есть такой? Сосед по нарам Володя Назаров толкает в бок, – Санек, кажется, тебя вертухай кличет, вон как разоряется! Шульга вскинул голову и прислушался, да, это наверно его, так как он за время своего ареста ни разу не встречал своих однофамильцев. Володя, бывший бригадир МТС, был тихим и не конфликтным парнем, любил слушать, темными промерзшими вечерами, рассказы начитанного Шульги, они сдружились. Три года назад Владимир на одном из сельских собраний, критикуя начальство из района необдуманно выпалил, что люди никогда не выполнят эту драконовскую норму и падают уже без сил, а в районе начальство в теплых кабинетах сидит и раздает директивы. Его обвинителям показалось, что при этом он грозил пальцем, глядя на портрет вождя. Ему дали 6 лет лагерей с последующим поражением в правах на два года. Шульга подивился его приговору, но промолчал. Вообще лагерь научил его поменьше болтать и больше слушать.

– Я Шульга, кому понадобилось мое бренное тело? В бараке прекратился гомон, все притихли, этот контингент довольно подозрительно относилась к зекам, которыми интересуется администрация лагеря. Стукачей и сексотов в этой среде не любили и относились к ним враждебно.

– Шульга, срочно явиться к начальнику спецчасти! – Бегом, бегом разведчик, дождался, там тебя ждет сюрприз! Делать нечего, надо идти, не хочется за неповиновение оказаться в карцере без еды. Он поднялся, намотал онучи, надел валенки, плотнее запахнул бушлат и поплелся на вахту.

– Александр? – попридержал его Назаров за рукав, – Ты больше ничего не натворил? В спецчасть просто так не вызывают или довесок к сроку или пересмотр дела.

– Нет, Володя, я чту уголовный кодекс и ничем противозаконным не занимался! Солдат с автоматом, сверил номер на бушлате Шульги со своим списком и открыл дверь в добротное деревянное здание администрации лагеря. Шульга оббил валенки от снега и пошел искать двери спецчасти, до этого он ни разу не был в этом заведении, здесь было тепло, пахло овчиной, едой и гуталином. Перед дверью остановился, по заведенной привычке, поправил робу, жиденькую шапку и постучал.

– Войдите! – За столом сидела миловидная женщина в чине капитана, лет сорока и пила чай,

– Кто таков? Представьтесь!

– Заключенный Шульга, ст. 58.п.1,осужден к 8 годам лишения свободы, по вашему приказанию прибыл!

– О, произнесла женщина, – Сразу видно военную косточку, присаживайся, вот бумага, читайте! Шульга вчитывался, вдруг сердце бешено забилось и медленно стало опускаться в ноги. Согласно постановлению Совета народных комиссаров СССР и Приказу генерального комиссара государственной безопасности СССР Л. П. Берии, вы Шульга Александр Николаевич, 1916 года рождения, осужденный по ст. 58.п.1 к 8 годам лишения свободы, освобождаетесь от отбывания оставшего срока наказания и переводитесь в резерв НКВД СССР! Вы полностью восстановлены в правах, вам вернут все награды и воинское звание.

– Вам, Шульга Александр Николаевич, следует явиться через 15 дней в Ленинград на Фонтанку, деньги на питание, предписание и личные документы получите сейчас же и через час вас отвезет грузовик на станцию. Вы переводитесь в резерв НКВД. Ноги не держали, пришлось облокотиться на стол. Предательски задрожал голос.

– Вы серьезно гражданин капитан?

– Товарищ Шульга, – начальник спецчасти рассердилась, – Ого… уже товарищ – хороший признак! – пронеслось в мозгу Шульги, – Такими вещами не шутят, я не хочу оказаться на вашем месте! Шульга попятился, – Можно пойти собраться? – Нет!

– Во избежание ненужных расспросов, вас уже отсюда не выпустят! Ваши личные вещи вам принесут! Шульга, ощущая слабость в ногах, вышел в коридор, земля стала уходить из под ног, он обессиленный устало прислонился к стене. Дыхание сперло, предательский комок подкатил к горлу. Неужели весь этот зловещий ад закончился? Что значит в резерве? Что же меня ждет впереди?

Глава вторая.

А начиналось все очень красиво и обещающе! Родился Сашка Шульга в Киеве 3 октября 1916 года в семье обрусевшего немца и русской учительницы немецкого языка. Он с самого детства словно имел шило в одном месте: нигде и никогда больше пяти минут не мог спокойно усидеть, вечно куда-то бежал, постоянно падал, разбивал коленки и набивал шишки, встревал в приключения и влипал в неприятные истории. А историй этих было великое множество. Никто его не мог остановить, ни школа, ни учителя, ни тем более его родители. Шульга был молод и горяч. Мозги были, но они еще, в этом возрасте спали и ждали своего часа. Адреналин забивал все разумные доводы. В семье между собой редко говорили по-русски, но только тогда, когда не было у них русскоязычных гостей, ближе к 1933 году все стали относиться к немцам с некоторым подозрением, что не мудрено, события в Европе настораживали и пугали своей непредсказуемостью. К власти в Германии пришел Адольф Гитлер. Шульга окончил с отличием школу и с выбором профессии, колебаний не было, он твердо решил стать военным. Но были проблемы с пресловутой пятой графой. Детей немцев, евреев, поляков, чехов не рекомендовалось брать на учебу в ведущие военные училища, считали их политически неблагонадежными. Вот и его мечте не суждено было сбыться. Когда Шульга сдал на отлично вступительные экзамены в Киевское военное училище, ему в мягкой форме, но настоятельно, рекомендовали не поступать в это училище, во избежание проблем в будущем. Разругавшись с приемной комиссией, он выскочил в коридор и с силой саданул дверью так, что задрожали стекла. Прижавшись лбом к оконному стеклу в коридоре, он беззвучно разрыдался. Все бессонные ночи, все дни, которые он провел за зубрежкой экзаменов, пошли прахом. Это был удар ниже пояса. У соседнего окна расположился крепкий мужчина лет тридцати и тоже смотрел в окно, где под песни, на плацу военного училища, курсанты отрабатывали шагистику. Вдруг, он повернулся к Шульге и по-немецки обратился к Шульге,

– Что камрад, выперли? По пятому пункту? Мне это дело знакомо! Сам был из неблагонадежных! Шульга, с досадой довольно резко ответил.

– А вам какое дело? Вы кто такой?

– Да ни какого дела, но знаю, кто ты и кем хочешь стать!

– Это к вам не имеет ни малейшего отношения!

– Ошибаешься, порой люди в своей жизни, делают непростительные ошибки, за которые потом расплачиваются всю жизнь. Я из тех, кто помогает, а порой наоборот, усугубляет положение этих людей в нашем обществе. Кто ты будешь, став военным офицером? Скажу откровенно – пушечным мясом! В современной войне ты не проживешь и дня! Знаю, знаю, что ты мне хочешь сказать, мол, геройская смерть, это, как говорят, и на миру красна, но на войне частенько случается, что больше толку бывает от живых! Знаешь Александр Николаевич, никогда не позволяй правде стоять у истоков красивой истории. Ты понимаешь, о чем я? – Не совсем!

– Куришь? – И он без замаха стремительно бросил спичечный коробок ему в лицо!

– Что вы себе позволяете? Но каким-то шестым чувством угадал траекторию полета коробка и схватил его возле собственного лица.

– Нет, не курю, мы советские немцы не очень жалуем эту дурную привычку! И щелчком, отправил коробок его владельцу. Незнакомец не менее эффектно поймал коробок и сунул в карман.

– Ну и правильно, я тоже не употребляю! Но предложить обязан!

– А для чего тогда этот цирковой трюк? Я довольно далек от циркового искусства и всякие уличные шапито не для меня!

– Так я и думал, резок, зол, решителен, но недальновиден и не наблюдателен, это ничего, все в жизни приходит с опытом, а опыт, как говорится – дело наживное. Может, продолжим наш разговор в более приятной обстановке и с меньшим количеством любопытных глаз? Я знаю недалеко весьма приличное кафе, где можно отдохнуть и поесть мороженное. Шульга напрягся, эта навязчивость незнакомца ему стала не нравиться. Он закинул сумку с книгами на плечо и проговорил,

– Извините, но у меня имеются неотложные дела и у меня совсем нет времени поедать мороженное с незнакомцами. Тем более что уже время обеда и меня ждут дома!

– Разрешите представиться, а попутно и познакомиться, – Капитан Глебов!

– Капитан? С какого это рожна, я понадобился целому капитану? А каких родов войск вы капитан? – Об этом я и хочу с вами поговорить в более подходящей обстановке. Сашка с сомнением вглядывался в лицо капитана и думал, – Что нужно этому человеку? Он не внушал ему доверие, очень подозрительный тип, ладно, посмотрим, в милицию я его сдать всегда успею. Глебов усмехнулся, – Дырку взглядом протрешь, и на будущее, не советую сдавать меня милиции и тем более поднимать шум вокруг моей персоны! Шульга вздрогнул и подивился проницательности собеседника.

– Да кто вы такой, что не боитесь нашей бдительной милиции? Откуда вы узнали о моих намерениях? Об этом мало кто знал!

– Вопросы будем задавать потом, а сейчас – прошу, неподалеку я видел уютный летний садик и там есть кафе с мороженным и лимонадом. И давайте сразу договоримся, я знаю о вас все, но пока не будем вдаваться в детали. И говорите тише и лучше нам перейти на русский язык. Действительно, проходящие по коридору абитуриенты уже стали обращать внимание на них, что естественно, два человека, стоят друг против друга и разговаривают на повышенных тонах, да еще на каком-то непонятном им языке, который они не знали. Глебов повернулся и, не оглядываясь, зашагал к выходу, он, как будто знал, что Шульге ничего другого не останется, как последовать его примеру. Что и случилось, Шульга припустил за Глебовым еще в большем недоумении, что этот капитан из себя возомнил? Уже выйдя на улицу, капитан строго сказал, – Александр Николаевич, вам следует перейти на ту сторону улицы и несколько на 15—20 шагов, отстать от меня. Рекомендую запоминать всех людей, автомобили, дома и киоски, все, что встретится на вашем пути. Идти нам недалеко. Шульга, чертыхаясь и еще в большем недоумении, начал вглядываться в окружающую обстановку. Вот бабушка, ругаясь, ведет внука, неслуха, у которого все лицо было в шоколадном пломбире. Вот молодая парочка, высокий парень брюнет и рыженькая стройная девушка среднего роста, остановились у афишной тумбы и что-то там читают, а вот, по улице громыхает грузовик ГАЗ-АА, в кузове примостилась семья из троих человек, весь кузов забит житейским скарбом, видно переезжают на новое место жительства. И тут, ему преграждают дорогу три парня, по их виду, Шульга сразу определил, что это местная шпана, у одного блестит фикса в челюсти, один упитанный, но низенький крепыш в кепке залихватски заваленной назад, а вот третий, это, скорее всего, был законченный бандит. Он был постарше этих двоих и руки его синели воровскими перстями. Они угрожающе обступили его и глумясь приступили к расспросам.

– Ну, фраерок, чем обрадуешь правильных бродяг? – обратился к нему старший, – О, котлы, сгодятся, он развернул руку Шульги и показал дружкам часы, имеется малость рыжья, – он заметил маленькую, позолоченную цепочку на шее Шульги, – шкары клевые, комсостав-

ские? Да, дурень? – он подёргал брюки за карманы, – О-ба-на! – А клифт-то, шикарный, скажу я вам тетя Соня, он попытался пощупать пиджак, который Шульга нес через плечо, – Смотри братухи, какой упакованный фраерок нам попался! Оглянувшись, Шульга в растерянности поискал Глебова, но он остановился возле газетного киоска в двадцати шагах от него и что-то там покупал. На помощь рассчитывать не приходилось, да и кто он мне, этот таинственный капитан? Упитанный шкет процедил сквозь зубы, – Сымай болезный обнову, мы тебя сильно бить не будем. Все его приятели зашлись лошадиным ржаньем, – Иди к маменьке и пожалуйся на нас и на несправедливую жизнь в нашем городе! Шульга понял, эти мелкие уркаганы ни за что его просто так не отпустят, и решил бить первым, выбрал расписного, он был самый опасный и возможно с финкой за пазухой. Шульга, отвлекая внимание и усыпляя бдительность шпаны, проговорил, – Вы все хотите у меня забрать? А как же я пойду домой? Голым? – Нет, мы тебе вот, подкинем сменку, – старший стянул с себя замызганный пиджачок и театрально стал поворачивать его разными сторонами, как бы, демонстрируя его целостность и сохранность. Вот момент, руки урки заняты и он не сможет их сразу освободить. Шульга почти без замаха, нанес сокрушительный удар правой рукой в целюсть урке. Грабитель, хватая беззвучным ртом, воздух повалился на толстого, тот пятясь, сел на пятую точку и падающий урка пригвоздил его к земле. Оставшийся грабитель заметался по мостовой, потом с изумлением посмотрел на своих подельников и припустил вниз по улице, при этом он орал, что мы еще встретимся и, мстя наша, будет беспощадной. Шульга подошел к лежащим грабителям и с некой долей сарказма произнес, – Ну, кто первый примерит мой клифт, или, как там он у вас по фене называется? Кто на новенького? Расписной был еще в глубоком нокауте, а толстый по щенячьи заскулив, на карачках стал отползать на безопасное расстояние. Шульга с разбега по-футбольному от души двинул по объемной заднице грабителя, тот подлетел и каким-то неимоверным акробатическим приемом, приземлился на ноги и рванул, как спринтер, не смотря на свой упитанный вес. И тут, он услышал аплодисменты! Оглянувшись, он увидел Глебова, который громко хлопал в ладони и при этом смеялся!

– Браво студент! Туше! Безоговорочная победа!

– Могли бы, и помочь, – в сердцах, огрызнулся Шульга!

– А зачем? Ты и так им отбил надолго дурную привычку, грабить на улицах незнакомых прохожих. Но, хочу заметить, что это бестолковая шпана, а как с более серьезным противником, совладаешь? – С каким?

Глебов, ответил вопросом на вопрос, – Какому мороженному отдаешь предпочтение?

– Эскимо, на палочке и ситро! – Хороший выбор, я тоже предпочитаю эскимо, ну пошли, пошли, чего встал? – А почему вы не вмешались или не позвали на помощь милицию, вот видите, сержант сидит и воркует с симпатичной девушкой?

– Молодой человек, привыкайте свои проблемы решать сам, а не звать на помощь, когда вам невмоготу. Вы не забыли, что я о вас знаю все и этот рядовой инцидент, меня только убедил, что я на правильном пути! И повернувшись, он зашагал по аллее к павильону. Шульга ничего не понимал, что за таинственность, что за секреты, двинулся за ним.

– Так, товарищ капитан, может вы, прекратите говорить загадками и ответите мне, в конце концов, зачем я вам понадобился? Проходя по аллеям парка в сторону кафе, Глебов заметил стрелковый тир, где богообразный старичок, скучал из-за отсутствия клиентов.

– Александр, а хотите пари? – В чем оно будет заключаться?

Они подошли к тиру, – Берем по пять пулек с кисточками, каждый выбирает себе номерную мишень, это вот тот черный квадрат с концентрированными круглыми кольцами и стреляем. Кто больше наберет очков из пятидесяти возможных, тот и будет иметь право первым задавать вопросы. Идет?

Шульге ничего не оставалось, как согласиться, стрелял он неплохо и надеялся выиграть. Первым стрелял капитан, он навскидку, не целясь, всадил кисточку точно в яблочко.

– Однако, удивился Шульга, – Да вы товарищ Глебов специалист в этом деле!

– Нет, настоящих специалистов в этом деле, я покажу тебе Шульга возможно позже! Ну, ждем-с твой выстрел! Не подкачай, на кону все ответы на твои вопросы! Шульга прицелился и выстрелил в девятку!

Глебов ухмыльнулся, – Это видно был пристрелочный выстрел! Соберись!

– Как умею, так и стреляю!

– Неплохо, неплохо, для 17 летнего мальчишки! А Шульга упал духом, надо же так опростоволоситься, он ожидал от себя большего! После того, как Глебов и Шульга закончили стрельбу, старичок принес обе мишени и… Шульга выиграл! Глебов выбил 48, а Шульга 49 очков! Глебов лукаво улыбнулся и снисходительно разрешил, – Ну, студент, задавай свои вопросы! Старичок заерзал на стуле, и хотел было открыть рот, но капитан, схватив Шульгу под руку, быстро увлек его из тира. Шульге было невдомек, что старичок сразу заметил высококлассную стрельбу Глебова и хотел уже сказать, что это банальная подстава и у Шульги не было никаких шансов! Глебов пряча улыбку, уже входил в кафе-мороженое. Эх, наивная душа, думал Глебов, сколько же тебя придется учить, чтобы ты не попадался на такие очевидные разводы, ведь я фактически ничего не предпринимая, выведал все основные твои физические возможности. Глебову не составляло большого труда, подготовить все так, как будто это происходило спонтанно и непредсказуемо. Этот визит в училище был не просто праздным, а ему позвонил из приемной комиссии и доложил свой человек, что есть, весьма недурственный кандидат, следует к нему внимательней присмотреться, а мы пока попридержим его и не оставим никаких шансов на поступление в училище. А сцена с грабителями вообще была разработана по классической схеме, так Глебов поступал когда-то в своей бурной молодости, когда щипал нэпманов и проверял на вшивость новых подельников. Этим методом он пополнял ряды своей банды. Здесь же, подставные люди, играли нехороших парней, а Глебов, этой проверкой убивал сразу двух зайцев, проверял на профессиональную пригодность и на бойцовские качества очередного претендента, и на… Глебов пока решил ничего об этом не говорить, Шульгу ждал самый главный, не менее, кровавый экзамен и Глебов должен был принять в нем самое непосредственное участие. Они взяли у объемной продавщицы по мороженому, по бутылке ситро и присели на лавочку под раскидистым платаном. Предвидя вопросы, ответы на которые Шульге еще знать, было рановато, Глебов вступил с вопросами первый,

– Александр Шульга, давайте обрисуйте по порядку, как, где, что и кого вы видели, пока мы шли по улице за мороженым в кафе? Грабителей можете забыть, они не главное в этом вопросе, а вот окружающий антураж прошу перечислить подробно. Я буду задавать вопросы, а вы быстро, в течение 15 секунд, должны ответить, не успел, вопрос аннулируется, и переходим дальше. Понятно?

– Это-то понятно, но зачем? – За тем, что если бы ты все прекрасно зафиксировал в свое памяти, то мнимых грабителей, ты мог бы обойти и не доводить до жуткого мордобития. Умный и наблюдательный человек, никогда не доведет ситуацию до абсурда. Драка, это удел психологически слабых людей! Еще раз, – Понятно? – Да!

– Итак, сколько автомобилей было на улице, пока мы шли? – Две! Одна грузовая, одна легковая.

– Марка? – ГАЗ-АА и Эмка с занавесками!

– Что было в кузове? – Вещи, диван кожаный, желтый, буфет облезлый, кровать, узлы со скарбом и в кузове сидели три человека! Госномер оканчивался на 33!

– Какого цвета были на девчонке банты? … Так проехали, – Какого цвета было платье на девушке с парнем? – Голубое!

– А какого цвета были шнурки на обуви парня? – Он был в сапогах!

– Прекрасно, на какой стороне улицы ты шел, четной или нечетной?

– По нечетной! – Что читали парень с девушкой на тумбе-афише?

– О прибытии с концертом, какого-то известного артиста… Леонида Утесова!

– По какой стороне шла бабушка и вела чумазого внука? – По левой, – А точнее?

– По четной стороне и от парка вниз к домам! Глебов остался доволен наблюдательностью Шульги, но виду он не подал и перевел взгляд на легковой автомобиль, который медленно двигался по улице. Шульга проследил за взглядом Глебова, – А вот этот автомобиль я уже видел, но ответить Глебов не успел, из автомобиля выскочили два незнакомых человека в плащах и шляпах и без предупреждения открыли огонь из наганов. Глебов незаметно проткнул емкость, укрепленную на груди с томатным соком и, картинно упал, при этом, он вытащил пистолет «ТТ» и бросил его рядом. Шульга в растерянности уставился на расплывшееся красное пятно на груди Глебова и машинально, схватил пистолет и начал посылать пулю за пулей в сторону стрелявших. Один из них шустро перемахнув через живую изгородь, молча, нанес удар по затылку Шульги, все поплыло, и он отключился. Очнулся он, в какой-то комнате, от толчка, один из нападавших сильно тряс его за плечо. Надсадно ныла голова и немного тошнило.

– Вставай вражина, кто ты такой и кто твой напарник?

– Какой напарник? – сделал удивленные глаза Шульга! Ты мне тут Ваньку не валяй, тот, который был с тобой и которого мы убили. О, черт, Глебов погиб?

– Я его не знаю! А ведь, действительно, Шульга о нем вообще ничего не знал, Глебов умело обходил все вопросы, касающиеся его личности и рода занятий. Шульга спинным мозгом наверно, заметил кулак, летящий в лицо и вовремя, уклонился, но налетел на колено другого бойца. В голове зашумело, но он остался в сознании. Прямо с нижней стойки, он кинулся на обидчика и головой разбил ему нос.

– Никого я не знаю и знать не хочу, что вы ко мне пристали?

– Зачем ты ходил в училище, почему вышел с этим человеком и зачем вы пошли в парк? – Да, мороженое поесть и пострелять в тире! Вы знаете этого человека? – Нет! – Знаете о том, что он любит мальчиков?

– Шульга, пораженный, откинулся на спинку стула, – Чего? Как это любит?

Они дружно заржали, – Молча, он известный растлитель молодых мальчиков и при задержании оказал сопротивление. Нам пришлось его пристрелить! При этом что-то в говорившем, показалось Шульге знакомым, та же кепка, та же рука в наколках и почти не изменившаяся манера речи. Говоривший опять нанес удар в область печени. Шульга озверел и вскочил, чтобы закончить этот балаган, но громкий крик остановил всех,

– Прекратить! – Разбежались, брек, иначе сейчас поубиваете, друг друга и вам Гамов я не позавидую, этот парень горазд руками махать и вас ему на пять минут размяться, не хватит! Обернувшись, на стоящего в дверях человека Шульга, сдавленным голосом прошептал, – Капитан? Вы же… откуда? Глебов усмехнулся, – Да с того света, однако! Гамов и его напарник заулыбались!

– А ну-ка, Гамов, повтори, что ты там плел насчет мальчиков? При этом Глебов крепко сжал кулаки. Гамов смешался и спрятался за напарника!

– Я тебе не раз уже говорил, что твой язык враг твоему телу и доведет он тебя до беды. Если бы я не знал, что ты тот еще балабол, то вломил бы под первое число! Впредь, выбирай выражения. Наше близкое знакомство не предполагает таких фамильярностей.

– Вы что, живы? – Да жив я, жив, чего и тебе желаю! – А эти кто такие? – Шульга перевел взгляд на Гамова и его напарника,

– Эти? Это те, которых ты так удачно отправил, одного в нокаут ударом в челюсть час часа назад, а этот тот, который от греха подальше, сбежал от тебя! Между прочим, имеет разряд по боксу! Но я же в них стрелял, и они в меня стреляли?

– Патроны у всех были холостыми, а на груди у меня был пакет с густым томатным соком! Надо быть Шульга внимательней.

– Ловко вы меня, то-ва-рищ капитан, – по слогам произнес Шульга, – рискованно это!

– Ладно, остынь, все прошло гладко, как я и предполагал!

– Но зачем нужен был этот спектакль?

– Должен же я был узнать реакцию потенциального курсанта секретной Центральной разведывательной школы «Игла», на, что он способен в реальности.

– Какой школы? – Школу я закончил в этом году и что, опять учиться?

– Ну, это далеко не общеобразовательная школа и не совсем обычное обучение, ты согласен стать её курсантом? Ты нам подходишь, правда, имеешь, весьма взрывной и неспокойный характер.

– А у меня есть выбор? – Нет, конечно, ты и так слишком много узнал, назад уже дороги нет! Ну, хватит разговоров, давай, познакомимся со своими мнимыми обидчиками! – Знакомьтесь, старший сержант Гамов, в прошлом беспризорник и воришка, а это старшина Дронов, спортсмен и музыкант!

– Как, музыкант? – Да-да, он окончил Ленинградскую консерваторию по классу рояля. Тут только до Шульги стало доходить, что это все был хорошо поставленный спектакль и все лица в нем выполняли определенную роль, причем исполняли талантливо и натурально.

– Но, товарищ капитан, они же мне предварительно связали руки, а потом начали бить! – Согласен, но и ты в долгу не остался! – Думаешь что, в настоящем захвате тебе руки оставят свободными? И потом, я наслышан, о твоих победах в боксе и борьбе и меня серьезно беспокоила целостность моих подчиненных. Да и положа руку на сердце, за тобой должок! Ты же без зазрения совести, двинул в челюсть Гамову, да так, что его потом медики полчаса микстурами отпаивали. Так что квиты! Так, закончили знакомство и после обеда, жду всех в моем кабинете. Шульга хотел, что то спросить, но Глебов приложил палец к губами и подмигнул, – Вопросы все потом! Сейчас обедать и отдыхать.

Через час все собрались в кабинете капитана Глебова в городском Управлении НКВД. Шульга с удивлением разглядывал Гамова и Дронова, куда пропали все наколки, легкая небритость, гражданская одежда и приблатненная осанка, а главное, куда подевалась полнота Дронова? Перед ним были молодцеватый, подтянутый Гамов и не менее стройный и элегантный Дронов, мундир, на них, сверкая, галунами сидел как влитой. Тут же присутствовал и Глебов, он тоже был в синем гбэшном мундире, но в отличие от его подчиненных, у него на груди был Орден Красной Звезды и медаль за Боевые Заслуги. Однако, – пронеслось в голове у Шульги, а Глебов-то не штабной деятель, а боевой офицер. Глебов покосился на удивленное лицо Шульги и, пряча улыбку, встал из-за стола.

– Товарищи, прошу вас, все, что вы сейчас услышите, является государственной тайной, после вы дадите расписку о неразглашении. В Подмосковье создана секретная школа при Управлении НКВД СССР. В данное время все цивилизованные страны стараются с нами завязать экономические связи, обмениваются технологиям, на дипломатическом уровне строят международные правоотношения. Но мир не спокоен, в Европе коричневая чума нацизма все больше и больше опутывает Европу, в Германии к власти пришли нацисты во главе с Адольфом Гитлером, в Испании симпатизирующий ему каудильо Франко, установил фашистский режим. А в Италии у власти не менее откровенный фашист премьер-министр Б. Муссолини и планирует военный переворот. Под влиянием Германии и Италии фашистские идеи стали распространяться и по Европе. В Португалии Салазар мнит себя диктатором, в Австрии Дольфус поднимает голову, Финляндия во главе, которой встал воинственный Маннергейм, тоже дует в одну дудку с Германией. На Востоке Япония с территории Кореи планирует вторжение в Маньчжурию, мы не сомневаемся, что на этом Япония не остановится и рано или поздно Япония будет продвигаться дальше в Китай и Монголию. Во избежание всех недоразумений и чтобы предупредить нарастающие провокации против СССР, наше правительство решило создать несколько специализированных секретных школ по предотвращению внедрения ино-

странных агентов в нашу страну. Места нахождения всех школ строго засекречены, каждая индивидуальна и у каждой своя специфика. Наша школа, в которой вы будете обучаться, будет специализироваться по тактике действия разведывательно-диверсионной работе в тылу противника. Также будут преподаваться специальные знания и навыки для использования их на территории противника. После обучения, всем будет присвоено общевойсковое звание лейтенант, и вы приступите к подбору членов ударных групп. Школа находится в маленьком и хорошо оборудованном учебном лагере, расположенном в ближнем Подмосковье. В ходе теоретических и практических занятий по диверсионным операциям вам курсантам этой школы будут преподавать, взрывное дело, формулы абсолютно обыкновенных и «невинных» веществ, которые можно будет приобрести в любом магазине химических товаров, не вызывая подозрения, но из смесей которых вы сможете сделать взрывчатку. Каждый курсант по мере обучения, получит задание сделать, из подручных материалов взрывчатку и продемонстрировать свое умение на полигоне. Также вы будете учиться собирать самодельные детонаторы. После того, как имея в вашем распоряжении созданный заряд, вы должны самостоятельно подорвать его. Это только одно из направлений в школе, но вы, как командиры ударных групп будете также изучать радиодело, языки, шифрование, стрельбу, заниматься физической подготовкой, отдельные курсанты пойдут полный цикл обучения снайперской войны, яды и приобретут навыки работы с симпатическими чернилами и сонными сигаретами.

– Как вы сказали? – поинтересовался Шульга, – Симпатическими чернилами? – Это что такое? Глебов вытащил из стола листок бумаги и странную чернильницу – непроливайку и придвинул все к Шульге, – Курсант Шульга, напишите заявление о приеме в нашу школу! Шульга взял ручку и макнул перо в плоскую чернильницу, – Я, такой-то, прошу зачислить меня в школу курсантом!

– Написали? – Да! Капитан взял листок и несколько раз махнул им перед лицом Шульги.

– Читайте! – Шульга посмотрел на листок и спросил удивленный, – А что там читать, там нет ничего, но ведь было, я сам писал!

– Вот это и есть симпатические чернила, которые имеют свойство исчезать через несколько секунд, но есть и обратный процесс, пишем, текст пропадает, немного колдовства и написанное проявляется, но у меня сейчас здесь нет в наличии проявителя.

– Так, товарищи курсанты на том нашу политбеседу разрешите закончить, все свободны, а вас молодой человек, я попрошу задержаться, нужно создать вам легенду, ту, которую вы настоятельно и правдиво расскажете своим родителям. Вы приняты в школу «Игла», курсант Шульга! Глебов смотрел на Шульгу и вспомнил себя, когда он, почти десять лет назад, таким же юнцом, но с богатой уже биографией, вел трудный разговор с начальником ОГПУ Ряжского района на Рязанщине.

Глава третья.

Сережка Глебов родился в 1906 году в Ряжске Рязанской губернии, в семье рабочих, мама трудилась медсестрой в железнодорожной больнице, а отец работал машинистом паровоза в местном ДЭПО, водил поезда до станции Козлов Тамбовской губернии. Ряжск был крупным железнодорожным узлом на пересечении Рязань – Уральской и Сызрань -Вяземской железных дорог, он связывал Центральную Россию и Южное направление Российской Империи. Когда он пошел в школу в первый класс, началась Первая Мировая война и отец на прощание поцеловав маму и Сережку, был призван в железнодорожные войска. Через два года он сгинул где-то в интернированных лагерях на территории Австрии и они остались одни. А тут подоспела Февральская Революция 1917 года, начались стачки и забастовки железнодорожных рабочих. Город потрясали митинги и шествия с красными флагами. Наступал новый порядок, и он нисколько не обещал спокойную жизнь. В 1921 году его мама скоропостижно скончалась от тифа, и стал Сережка беспризорником, скитался по подвалам, воровал на привокзальном рынке хлеб и овощи, бывал нещадно бит много раз. Но решительность и природ-

ный ум не дали ему сгинуть в это непростое время. Он сколотил дерзкую банду из таких же обездоленных горемык и держал в страхе полгорода. Крали только еду и одежду. Деньги ничего не стоили, за один миллион рублей можно было купить, разве что пару коробков спичек. Прошло четыре года, Сережа заматерел, вытянулся, налился силой, стал настоящим бандитом – налетчиком, но бедных и обездоленных не трогал, да и что с них взять, когда в стране махровым цветом расцветал НЭП, правительство отпустило цены и всякого рода спекулянты, дельцы и мошенники стали появляться неизвестно из каких злачных мест. Черные рынки предлагали все, что угодно, были бы деньги – здесь не было пределов и ограничений. Продавалось и покупалось все, что производилось в подсобных хозяйствах и на государственных производствах или просто воровалось. От еды, до шоколадных конфет, пирожных, икры и деликатесных видов рыб, до сахара, алкоголя, медикаментов и других товаров. Новая экономическая политика (НЭП) была принята в 1921 году, но до его города докатилась только к 1924 году. Новая экономическая политика имела целью введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений с восстановлением народного хозяйства. НЭП была мерой вынужденной и во многом импровизированной. Однако за семь лет своего существования НЭП стал одним из самых удачных и выгодных экономических проектов в молодой и новой России, а проведенная денежная реформа в 1922 году, укрепила рубль, и он стал конвертируемой валютой. Задачей первого этапа денежной реформы, реализуемой в рамках одного из направлений экономической политики государства, явилась стабилизация валютно-кредитных отношений СССР с другими странами. После проведения двух деноминаций, в результате которых один миллион рублей прежними денежными знаками был приравнен к одному рублю новыми советскими денежными знаками, было введено параллельное обращение обесценивающихся советских дензнаков для обслуживания мелкого товарооборота и твёрдых червонцев, обеспеченных драгоценными металлами, устойчивой иностранной валютой и легко реализуемыми товарами. Червонец приравнивался к старой 10-рублёвой золотой монете, содержавшей 7,74 грамма чистого золота.

Вот за этими золотыми червонцами и открыл охоту Сережка Глебов со своей бандой. Разрабатывая необычайно дерзкие и технически грамотные изъятия этих блестящих золотых кружочков, Глебов, никогда сам не принимал участия в этих экспроприациях и зря не светился, а предпочитал руководить операцией со стороны через доверенных лиц. Не знаю, по какому счастливому стечению обстоятельств, но Глебов ни разу не попался с поличным, ОГПУ очень серьезно и довольно жестко относилось к незаконному обороту золота и порой эти золотовалютные операции приводили на скамью подсудимых и приговоры всегда были крайне жестоки. Вот этих жирных коммерсантов и начал изрядно щипать Глебов и щипал беспощадно, многие знали, что существует удачливый налетчик, гроза новоявленных коммерсантов, по имени Серж Сильчевский, но в лицо его мало кто знал и тем более никто не знал его настоящей фамилии. Но недолго продолжалась эта торговая вакханалия. НЭП превратился в банальное «купи-продай». Через год, Ленин был вынужден признать, что в известной мере была проведена реставрация капитализма. Ленин также признал, что предполагавшийся централизованный товарообмен сорвался:

«В том смысле, что он вылился в куплю-продажу, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарооборота получилась обыкновенная купля-продажа, частная торговля». Юридически же, НЭП продержался до 1931 года, пока не было принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР, но это было уже после смерти Ленина в 1924 году. Но планы Сергея Глебова нарушило не это, а одно неприятное происшествие, которое круто изменило его дальнейшую жизнь. Проходя вечером, по деревянному мосту, который соединял центр города и Захуптский район, возле городской бани, на берегу реки Хупты, он обратил внимание на симпатичную девчонку, которая отчаянно отбивалась от троих здоровых парней. Они уже разорвали на ней платье и принялись шарить по стройному телу. Один уже начал спус-

кать штаны в предвкушении приятного времяпровождения в обществе незнакомой девчонки. Может быть, Сергей прошел бы мимо, но когда увидел глаза девушки полные мольбы и отчаяния, то решил вмешаться. Зачем он это сделал, не мог себе, потом объяснить всю оставшуюся жизнь, но этот поступок в корне изменил его дальнейшую жизнь. Он незаметно вынул короткий стилет, который всегда носил с собой в сапоге и сходу хотел всадить стилет в спину, но в последний момент изменил траекторию удара и воткнул в мягкое место. Насильник с удивлением обернулся, заорал благим матом и осел на землю. Девчонка примолкла и смотрела на Глебова во все глаза. Оставшиеся двое остановились в растерянности, девушка вырвалась и, прикрывая руками голую грудь, спряталась за спину Глебова. Один их насильников вытащил нож, а другой толстую цепь.

– Ты кто такой, ты зачем порешил нашего кореша?

– Да жив ваш кореш, только месяц за задницу не сядет! Я кто такой? Я простой прохожий и не люблю, когда сильничают девчонку без меня? Девчонка в страхе отскочила от него и готова уже была закричать и броситься наутек, но что-то её удержало.

– Так становись в очередь, мы не жадные!

– Нет бродяги, я привык к свежему, не порченому мясу, а сам думал, с кого же первого начать, парни были крепко сбитые, но слабоваты духом, так только отъявленные трусы, могут глумиться и измываться над невинной жертвой. Он, недолго думая, выломал из забора приличное бревнышко, толщиной с руку, которым запросто можно человеку хребет переломить и, не раздумывая, пошел на них. И они дрогнули, попятились, схватили под руки скулившего подельника и бросились в сторону Малинового оврага и где-то в районе мужской гимназии на взгорке, свернули на Дворянскую!

Девушка подошла и с интересом взглянула на Сергея, – Ну, что дальше, молодой человек? – Извини, но мой план закончился на этих троих! Будут предложения?

– Девчонка потянула руку и певуче произнесла, – Степанида! А вас?

– Сережкой кличут, – Ты это, давай шагай отсюда, иначе эти друзья могут позвать подмогу с улицы Красной и Малинового оврага, а это бандитский район.

– Фу, как неприлично к незнакомой девушке обращаться на «ты»!

– Извиняйте барышня, политесам не обучен, институтов благородных девиц не кончал, да и младше ты меня, наверное? – Девушке такой вопрос не задают, но мне 17 лет, а вам? – Мне на два года больше!

– Все равно, мужчине надо обращаться к девушке всегда на «вы» независимо от её возраста и положения! Сергей, обращаясь к несуществующей аудитории, картинно развел руки и с иронической ноткой в голосе, произнес, – Граждане, вот дает, мамзель! Чешет языком, как по бумажке! Сам он едва окончил четыре класса железнодорожной приходской школы, а когда это было – он уже забыл. Не в этой жизни, наверное!

– Сударь, извольте быть благоразумным и не грубить девушке, тем более незнакомой! – Простите Степанида, не хотел вас обидеть, просто я отвык от светского общества!

– А хотите, я вас приглашу к нам домой, будем пить чай, слушать граммофон и я вас познакомлю со своими родителями? Сережка засмущался, – Вот еще, что я чаю никогда не пил? – Да нет же, дело конечно не в чае, но должна же я вас поблагодарить за столь чудесное вызволение. Сергей снял с себя пиджак и протянул Степаниде, – На-ка, прикрой свои голые прелести, а то мне, как-то не по себе! Только сейчас Степанида заметила, что её голые молодые груди задорно торчали в разные стороны!

– Ой, простите, щеки её мгновенно залились краской! Она быстро накинула пиджак, запахнула его и схватила Сергея за руку.

– Все, никаких возражений, вы мне нравитесь, и мы идем к нам пить чай!

Делать нечего, надо идти, да уж больно эта бойкая девчонка ему пришлась по душе. Её непринужденность, чистота и порядочность все больше и больше были ему по нраву.

– А где твоя усадьба? – Скажете тоже – усадьба, мы не баре и живем скромно! Подъехала подвода и с неё на деревянный мост, спрыгнул молодой милиционер, он многозначительно поправил поясную кобуру с наганом и внимательно проводил их взглядом, уж очень разношерстная была пара. Она стройная, кровь с молоком и светлая волосом – он, высокого роста брюнет, крепкого телосложения, но повадки были бандитские и не внушали доверия. Они поднялись на взгорье и на перекрестке свернули направо в район одноэтажных частных построек примыкающих к городу

– О, вы живете в районе Жары, – Да, как раз за оврагом!

Незаметно подошли к домику с мезонином, перед домом, была разбита клумба, где разными цветами пестрели незнакомые Сергею цветы. Степанида постучала в дверь, открыла им миловидная, еще не старая женщина, около сорока лет.

– Стеша, разве можно так поздно ходить по улицам? Мы с папой заждались тебя! Давай проходи, моя дорогая. Иди, помой руки, сейчас будем ужинать. И тут она увидела разорванное платье дочери!

– Бог ты мой, что с тобой случилось? Ты попала под телегу? Упала в овраг? Говори, несносная девчонка?

– Мама, все потом, ничего страшного, познакомься это Сергей и он меня провожал! – Сергей Глебов, представился он и галантно склонил голову. Женщина назвалась, – Светлана Павловна! Проходите молодой человек. Она закрыла дверь и провела его в дом.

– Паша, Паша, у нас гости, дорогой, – позвала она мужа, и Паша показался, Сергей в страхе попятился и чуть не упал! Павел Иванович только пришел со службы и еще не переоделся, только собирался пойти помыть руки, потом уж переодеться. Сергей, как завороженный смотрел на среднего роста, крепкого мужчину, это был гроза всех городских, уездных бандитов и воров, начальник уездного отдела ОГПУ Павел Завьялов! Он был в гимнастерке, на груди алел Орден Красного Знамени, а на поясе, красовался громоздкий маузер в деревянной кобуре и тоже со знаком ордена! Сергей чертыхнулся, вот попал, так попал! Это знакомство чревато. Пора рвать когти! Пал Иваныч тоже был удивлен неожиданной встречей, – Вот как! Значит ваша фамилия Глебов?

– Так точно гражданин начальник!

– Не ожидал, не ожидал! Узнал его Павел Иванович сразу, по оперативным ориентировкам, но даже в страшном сне он не предполагал, что этот дерзкий налетчик окажется в обществе его родной дочери. Он тоже Глебова видел впервые и подивился его уверенности, стати и обаянию.

– Значит, вы Глебов, да? Так вот вы, какой… Серж Сильчевский? Повисла пауза, Сергей смешался и не знал, что ответить! Надо же было так глупо засветиться! Ни Светлана Павловна, ни Степанида ничего не понимали и тоже с интересом уставились на них, – Вы знакомы? Сергей буркнул, – Да, имел сомнительную честь видеть вашего дорогого папаню, ну я пойду, что-то мне стало не до чаев, рвать надо лапти!

– Ну почему же сразу рвать, – Павел Иваныч подмигнул, – И зачем надо рвать русскую недолговечную обувку, я давно хотел познакомиться с таинственным Сержем, неуловимым потрошителем нэпманов!

– Что? Каких нэпманов, Степанида в замешательстве опустилась на стул! Она ничего не понимала!

– Ну, раз пришел, проходи, гостем будешь! – Светлана Павловна взяла его за руку и повела в зал!

– Папа, ты можешь мне, наконец, объяснить, что происходит? Павел Иваныч был мудрым мужчиной, недаром, что бывший царский офицер, он прекрасно понимал, что его дочь, обладая очень твердым и решительным характером и просто так, с улицы, кого попало, не приведет, а если уж привела, то здесь есть очень весомая причина и надо не торопить события, дочь

расскажет все сама. Павел Иванович, чтобы разрядить обстановку, улыбаясь, произнес, – Мы несколько раз встречались и, замявшись, нашелся, – по работе! – Вот как, а он мне не говорил, что вы работаете вместе! – Да, мы работаем вместе и, помедлив, Завьялов выдал, – Только по разные стороны баррикад! – Это, какие такие баррикады, о чем ты, папа? Степанида от него не отставала!

– Ладно, это не важно, пора вечерять, – Светлана, мы сегодня есть будем?

– Подаю, подаю, не бурчи! Дай человеку освоиться в нашем доме.

– Ну, молодой человек, прошу к столу, разговор у нас с вами будет долгий, и надеюсь плодотворный! Он поставил самовар на стол и принес варенье. Сергей в нерешительности топтался у окна. Женщины хлопотали на кухне, готовясь накрыть на стол, и о чем-то тихо переговаривались. Завьялов тихо проговорил, – Так, Серж, я пока не буду раскрывать Стеше, что ты за фрукт и что из себя представляешь, так как сам еще до конца не разгадал причину твоего появления в нашем доме. Глебов решил не рассказывать истинную причину его появления, это тайна не его и ограничился общими фразами.

– Павел Иванович, если бы я знал, что Степанида ваша дочь, то я бы, обходил её седьмой дорогой! – Что, неужели не понравилась? Вижу, что понравилась! – Очень понравилась, но учитывая, кто я и кто она, главное, кто у неё отец, я совсем не горю желанием продолжать это знакомство! – Серж, я прекрасно знаю, чем ты занимаешься, и тоже не хочу, видеть тебя в обществе моей дочери и подвергать её серьезным неприятностям. Посмотрим, как ты будешь выкручиваться. Но имей в виду, обидишь, под землёй достану! – В этом я не сомневаюсь товарищ Завьялов! Давайте Павел Иванович, разделять мое занятие и вашу дочь, это, ни в каком разе не имеет ничего общего. Я это я, а ваша дочь, есть ваша дочь! – Давай, рассказывай, зачем ты здесь и какие причины тому предшествовали? – Досадная случайность Павел Иваныч, ваша дочь упала с карусели и порвала платье, я мимо проходил и помог ей добраться до вашего дома. Все!

– Судя по тому, как на ней разорвано платье, она не с карусели упала, а, по крайней мере, побывала в авиакатастрофе! Глебов подивился прозорливости Завьялова, – Вот чекист, все прокнокал, но сделал невинное лицо и смущенно произнес, – Карусель была высокой, она зацепилась платьем за лошадь! – Лошадь, она что, каталась на лошади? – Да не живая лошадь, а деревянная, что на карусели!

– Тьфу ты черт! Так и инфаркт можно получить! Ей запрещено кататься на лошади. В детстве она упала с лошади и сломала руку.

– Можно спросить, а где у вас туалет? – По коридору налево. Сергей направился искать туалет и когда в дверях, ему повстречалась Степанида, он ей мимоходом шепнул, – Ты упала с лошади на карусели и порвала платье! Стеша кивнула и понесла тарелки на стол. Следом появилась Светлана Павловна, в руках она несла вазу с хлебом и тарелку с домашними пирожками.

– Вы куда Сергей? – Я сейчас, руки помыть! И бочком-бочком протиснулся межу дверью и Светланой Павловной. Слава богу, успел предупредить, а то посчитает меня сексотом. Помыв руки в рукомойнике, он задержался и обдумал, как и о чем, разговаривать с Завьяловым? Что ему сказать? Ведь чекист не оставит его в покое, всю душу вывернет! О Завьялове в городе ходили фантастические легенды, Глебов несколько раз слышал рассказы от своих подельников, что есть такой Завьялов, которого опасаются поголовно все уездные бандиты. Он за полтора года, с тех пор, как появился в Ряжске, пересажал многих известных воров в городе, а контру и кровавых бандитов расстреливал на месте, но был справедлив и зазря никого не задерживал. Он выловил в городе почти всех беспризорников и отправил их в коммуны и детдома. Открыл школу рабочей молодежи и избу-читальню. Посодействовал, чтобы в городе построили стадион. Чай все пили дружно и делали вид, что ничего не случилось, каждый думал о своем, Павел Иванович готовился к крупному разговору с Глебовым, Стеша придумывала, как объ-

яснить матери о так лихо порванном платье, а Светлана Павловна думала о том, что сахар уже на исходе и пора переходить на варенье. Глебов же знал, что Завьялов его так просто не отпустит, а вот о чем будет разговор, не догадывался. Наконец паузу нарушил Павел Иванович, он шумно встал из-за стола и поманил Глебова пальцем, при этом обратился к женщинам, – Девочки, спасибо за чай, мы с Сергеем пойдем, подышим воздухом, вынул из кармана и протянул Глебову папиросы.

– Куришь? – Нет, не употребляю! – Это хорошо, а я вот с Гражданской войны никак не могу бросить! Они прошли в уютный садик и чинно уселись подальше друг от друга.

– И так, Серж Сильчевский, так вас кличут в городе? Я не ошибаюсь?

– Да это мой псевдоним! – О, как! Псевдоним! А может, погоняло?

Глебов нахмурился, – Называйте, как хотите, мне все равно!

– Как идет охота на несознательных граждан и успешно ли идет экспроприация золота у нэпманов? Глебов не стал ничего скрывать и выложил начистоту, – Изымаем потихоньку, но, хочу предупредить, что отъем цацек и золота происходит без смертоубийства! – Я знаю об этом, поэтому ты пока ходишь в городе свободно. Мне эта жирующая контра тоже порядком надоела, но ничего пока с ними сделать не могу, директива Правительства их защищает.

– А вот тебя Сергей, я хочу предупредить, что одно дело отнять золото у жуликов, а другое пустить его в оборот, как только ты обналичишь хоть один царский или советский червонец, ты автоматом будешь причислен к контрреволюционерам, недобиткам, которые нагло подрывают экономику молодой Советской республики. А это уже контрреволюционная попытка свержения советской власти, тут, не обессудь, санкции очень суровы, вплоть до расстрела, тебе это надо?

– Я еще не одного золотого кружочка не пустил в оборот! – И это я знаю! Ты только тратишь бумажные дензнаки, которые недавно деноминировались!

– Вы что начальник, следите за мной?

– И уже давно, но пока твои действия нам на руку, хоть ты и налетчик, ты не переходишь условные границы закона и у тебя очень хорошо поставлена разведка, а также слежение за потенциальными жертвами, тебе помогает полгорода мелкой шпаны, за что они тебя так любят?

– Хм! Начальник, все кушать хотят, в городе не все ладно с продовольствием, а тут за два часа слежки они получают по целковому, это вполне себе вечерний ужин или дневной обед. И я их никогда не обижаю и не обманываю, Серж всегда свое слово держит!

– Так ладно, что тебе от моей дочери надо? – Нравится она мне, она такая чистая, непосредственная и в тоже время, особа, которая не терпит возражений, а язычок у неё смертельный! Павел Иванович рассмеялся, – Мне ли не знать характер своей дочери. Этот бесенок порой и меня строит! А теперь давай серьезно, – Как ты думаешь, долго ли может продолжаться твое опасное ремесло? Мы о тебе знаем все, нам не хватает только маленькой толики, чтобы тебя закрыть, это заявления потерпевших, но они, зная, что у самих рыльце в пушку, дружно отказываются от этого. Иначе придется привлекать и налетчика и заявителя! Хорошо, напишут они заявление, закроем мы тебя, это же, сколько лет ты будешь гробить свое здоровье в исправительных лагерях, думаю, что лет десять тебе обеспечено! А потом выйдешь и как всегда возьмешься за старое и понесется твоя жизнь под откос! Тюрьма – свобода! Тюрьма – свобода и так всю жизнь?

А главное, ты никогда не увидишь больше Стешку, уж я об этом позабочусь, будь спокоен, да и когда тебе… между посиделками то? Состаришься на нарах! Все, пропадет твоя жизнь непутевая! Ты так хочешь жить? Валяй! Больше мне с тобой говорить не о чем! Завьялов щелчком зашвырнул окурок за забор и пошел к дому. Глебов долго сидел, угрюмо уставившись в одну точку. Перед ним цветными картинками пробегала его шальная жизнь. То густо, то пусто, сегодня есть еда, три дня нет, что делать? Так он начинал. Сергей, никогда не умел

вести свои дела, не его это призвание, толково распорядиться своими средствами. Чекист прав, за золото его, не раздумывая, поставят к стенке и что же предпринять, на ум ничего не приходило! А золота у него собралось уже изрядно, порядка двухсот монет и хотел он, как только соберется нужное количество свалить из России, но последние события, произошедшие с ним, смешали все карты. Да еще Стешка! Она все больше и больше занимала его мысли, вытесняя все другие. Голова отказывалась думать. Подошла Стеша и протянула его пиджак, – Сергей, спасибо вам за оказанную помощь, не вы, я бы не знала, что делать!

– Степанида, говори мне ты, я не привык к такому обращению, как будто я вдвое старше тебя и давай я буду называть тебя уменьшительным именем – Стеша! Степанида, это как-то официально. Стеша засмущалась, щечки порозовели, а под сиреневым новым платьем, напряглась очаровательная грудь!

– Я непротив! О чем вы с папой говорили, не про меня? – И про тебя тоже! И про многое другое! Они сидели и смотрели на багровый закат, изредка перекидывались словами, но разговор не клеился, Сергею не давал покоя разговор с Завьяловым. Он, скомкано попрощался и рванул вон от людей, которые так разбередили его душу. По дороге заскочив в лавку к алешинскому трактирщику, купил штоф вина и круг конской колбасы. Лег на кровать пил и думал, рвал колбасу зубами и опять пил и думал! К полуночи поставил окончательную точку в своей прежней жизни. Завтра было воскресенье и Сергея с утра, как магнитом потянуло в дом Завьяловых! Перед этим он заскочил в дом к своей тетке и вырыл все спрятанное в сарае золото. Тяжелый узел оказался, килограммов около двух или больше! Он пересыпал все монеты в двухлитровый медный кувшин, заткнул его тряпкой и бросил в армейский вещмешок. К обеду подошел к знакомому до боли домику и постучал. В окне показалась Стешка, увидев его, взвизгнула и побежала открывать!

– Стеша, а отец твой дома? – Да проходи, он в мастерской стол делает, при этом смотрела на Сергея во все свои огромные глаза. Глебов прошел вглубь двора и открыл дверь в добротный сарай. Павел Иванович, весь в древесной стружке умело строгал какую-то доску.

– Добрый день Павел Иванович! – А налетчик, с чем пожаловал? Стешку повидать? Она уже с утра всем уши прожужжала про тебя, мы даже успели чуть поругаться!

– Вот, избавьте меня от этого, он со звоном, вывалил из кувшина на верстак золотые монеты. Завьялов с удивлением на него уставился,

– Глебов, а не ошалел ли ты часом, ты зачем притащил эту прорву золота ко мне в дом, не свататься ли пришел? Не рановато ли? А в глазах прыгали лукавые искорки, видно не прошел даром его вчерашний разговор! Конечно, вчера вечером у него был очень серьезный разговор с дочерью, со скандалом, на грани срыва, он рассказал, не посвящая мать в подробности, все, что знал о Сергее, в надежде, что Стеша от него отступится, но не тут-то было, упрямый ребенок ответил категорическим отказом. Тогда он зашел с другой стороны и сказал, что, если она уговорит Сергея бросить это опасное дело, то возможно он ей разрешит с ним встречаться. Конечно, он не был уверен, что эта своенравная девчонка его послушает, но он не думал, что Глебов так скоро сам придет с повинной и при этом принесет почти два килограмма золота. А это большая проблема, эту кучу золота надо, как то легализовать!

– Что же мне делать с этим золотом, а Сергей, его же нельзя просто так, во избежание ненужных расспросов, принести в отдел ОГПУ и предъявить. Вот мол, нашел! Где – на помойке? Это золото, а не картошка! Вдруг раздался стук и мелодичный голос Степаниды, попросил разрешения войти. Завьялов накинул кусок брезента на гору золота и разрешил дочери войти.

– Стешка, ты, что-то хотела? – Папа, мне нужен Сергей? – Так дочь, еще полчаса и он весь твой, а пока дай нам поговорить о наших мужских делах. Стешка фыркнула, но вышла и прикрыла дверь.

– Вот егоза, вся в мать! – Ну, что будем делать? У меня есть право только изъять золотые изделия в пользу государства, но тогда меня обяжут указать, у кого я изъял это золото и при каких обстоятельствах. Учитывая твою репутацию в городе, ты не можешь сам, вот так, принести это золото в милицию или в ОГПУ. Павел Иванович построгал доску и стал прилаживать к столешнице. Но работа не шла, он отложил доску и задумался. Не до работы стало сейчас, назревал ответственный разговор с Глебовым и он не знал, как к нему перейти. Главное, он посеял зерно сомнения, Глебов в тупике и теперь надо как-то ему подсказать правильное направление.

– Хорошо я подумаю, как решить эту проблему с золотом, а ты, Сергей, чем думаешь теперь заниматься? Как я понимаю, к старому ты, решил не возвращаться? Ты пойми, в наше время честь определяется, как благородством души, так и чистой совестью, запятнаешь честь смолоду – никогда не отмоешься! Всей жизни не хватит!

Жизнь порой сбивает нас с ног, но человек сам решает, подняться ему или нет! Что надумал? – Не знаю пока, пойду на завод или уеду в Рязань и там найду работу.

– У меня есть к тебе предложение, от которого ты не можешь отказаться, так как между тобой и моим предложением стоит Степанида. В Москве, в Управлении ОГПУ работает мой хороший товарищ, который преподает в спецшколе ОГПУ, чему там обучают, я не скажу, так как сам не знаю, а вот посодействовать твоему поступлению могу. Он несколько раз мне говорил, что ему нужны не простые люди, а рисковые, авантюристы по жизни, с живым нестандартным умом, а ты, судя по твоему прошлому занятию, как раз подходишь под эту категорию. Умен, осторожный, рисковый! Правда, образования маловато, но это дело поправимое. Только одна просьба, не проговорись, что ты был налетчиком и бандитом, скажи сирота беспризорник и мой хороший знакомый. Поедешь не один, а со Степанидой, она приходится крестницей Вадиму Канадинскому, Стешка человечек очень подозрительный и упрямый, но правильный, она поможет тебе, а Стешку Вадим знает с пеленок, он в ней души не чает. Только переоденься, купи костюм или пальто, сними фиксу, постричься не помешало бы, выбрось эту воровскую кепку и купи приличную шляпу! Все! Остальное тебе расскажет и покажет Стешка! Адрес она знает! Смотри, не подведи меня! У тебя мало времени, иди, собирайся! Глебов, посидел на скамье некоторое время и подивился тому, как быстро, от обстоятельств жизни может поменяться человек. Потом, решительно встал и ушел! Павел Иванович зашел в дом и окликнул Стешку,

– Стрекоза, ты где? – Здесь я папа, платье зашиваю, что случилось, а где Сережа? – Да здесь твой Сережа, никуда он уже не денется, привязала ты его к себе толстым канатом, переваривает услышанное!

– Ну, ты скажешь, папа! – О чем сыр бор? В зал вошла Светлана Павловна, – Что я пропустила?

– Так, мои дорогие, решил я Сергея отправить в Москву к Вадиму Канадинскому! – Зачем, – одновременно вскричали женщины, – Папа, ты же знаешь, какой Вадим Леонидович осторожный и как он реагирует на новых людей в его обществе!

– Ну-ну, не все сразу! Дайте же мне сказать! Вы не знаете наверно, что Вадим сейчас командует военной спецшколой при Управлении ОГПУ по Московской губернии? Чем там точно занимаются слушатели этой школы, я не знаю, но, зная Вадима, могу предположить, возможно, что-то связанное с разведкой и контрразведкой. При этом он приложил палец к губам и строго посмотрел на Стешку, – О прошлом Сергея молчок! – И еще, с ним поедешь ты Степанида, так как одного Сергея отпускать не стоит, он может передумать или потеряться в таком большом городе, как многолюдная Москва. Да и Вадим его одного может не принять и не поверит, а с тобой, есть шанс! Стешку очень обрадовало это известие, но она не подала виду, отпросившись у родителей, помчалась в сад к Сергею. Но его уже не было и она разочарованная, вернулась в дом.

– А он ушел, понимаете, ушел не попрощавшись! – Она чуть не плакала. – Да не волнуйся ты неугомонная, вернется твой Сергей, он пошел собираться, сменить гардероб, попрощаться и тебе бы не помешало начинать собирать вещи в дорогу. У вас всего 6 часов. Поезд на Москву в 2 часа ночи. Тем временем Сергей, быстро удалялся от дома Завьяловых, не хотелось, но нужны были деньги в дорогу и он решил напоследок обменять у знакомого барыги, оставшиеся два золотых червонца на бумажные деньги, нужно было приодеться, проститься со шпаной, купить продукты в дорогу и сходить попрощаться на могилку к матери. Вечером, 11 часов в доме Завьяловых не спали, все с нетерпением ждали Глебова. Особенно волновался Павел Иванович, неужели струсил, неужели решил продолжать свои бандитские дела? Ведь ничем хорошим это не кончится! Но он отгонял эту крамольную мысль и твердо был уверен, что Глебов придет, он очень редко ошибался в людях. Стешка тоже не находила себе места и ходила нервно взад вперед по комнате.

– Так Степанида, хватит бегать маятником по дому, – прикрикнула на дочь Светлана Павловна, – Придет, если, он серьезный парень и у него не пусто в голове! И тут, раздался осторожный стук в дверь! Стешка первая кинулась к двери и замерла! К ним входил совсем незнакомый им человек! Одет он был в новое до пят кашемировое, коричневое пальто, на голове красовалась коричневая из драп-велюра шляпа, которая скрывала пол лица. Пальто, было расстегнуто и под ним, ярким белоснежным пятном белела шелковая облегающая рубашка, которую венчала коричневая бабочка, текстура которой совпадала с текстурой лацканов его пальто, а коричневые брюки заканчивались, не менее коричневыми туфлями и смотрелся он потрясающе.

– Надеюсь, я не опоздал, к старту своей новой жизни? – Все облегченно выдохнули, они узнали по голосу Сергея! Куда делся его залихватский чуб, фикса и воровские манеры, перед ними стоял, по крайней мере, коммивояжер средней руки или работник партийной номенклатуры. Степанида в восторге запрыгала на месте, а Павел Иванович с удивлением обошел вокруг Сергея, – Хорош парниша, хорош! – Не ожидал я такого превращения, вкус еще не покинул вас молодой человек! А почему такая неуемная любовь к коричневому цвету?

– Комплектом продавали только эту тройку коричневого цвета.

Светлана Павловна поджала губы, хотела уже по-бабьи запричитать, от безысходности и по неожиданному отъезду Степаниды, но Завьялов, строго на нее прикрикнул, – Ну, ты то, что, как клуша раскудахталась, никуда твоя дочь не денется, хватит ей возле мамкиного подола то сидеть. Пора выводить в люди! Они попрощались и двинулись к выходу. В 2 часа ночи они сели на поезд Пенза-Москва и в 9 часов утра были в Москве. Глебова поразил этот огромный город, но Стеша, неоднократно бывавшая в этом городе, уверенно взяла его под руку и указала направление, куда шагать…

Глава четвертая. править

Прошло несколько лет изнуряющих тренировок в изучении политической и военной обстановки в мире, освоения, муторного и кропотливого радиодела, после тренировок по борьбе джиу-джитсу синяки не сходили неделями. В конце лета 1938 года, Александр Шульга выпускник секретной школы внешней разведки, а в действительности контрразведчик диверсант в совершенстве владеющий приемами джиу-джитсу, блестяще стреляющий из любого вида оружия и виртуозно метающий ножи, смотрел в будущее с оптимизмом. После выпуска курсов иностранных языков, где ему настоятельно вдалбливали на протяжении трех лет знание испанского и английского языков, он предполагал, что это неспроста. Сын поволжского немца и русской считал немецкий язык родным, а вот с английским у него начались проблемы. Он никак не мог одолеть, чуждую для русского языка картавую буквы «р», совершенно не понимал произношение «the». И дико вращал глазами, когда преподаватели произносили этот артикль с произношением «зеэ». Откуда там буква «з»? Он не понимал, как этот набор букв может иметь такой звук. Также не мог произнести на английском число «три»

и «дерево» ему казалось, что это одинаковые слова. Преподаватель, чопорная полуанглийская леди, с трудом сдерживая негодование, раз за разом настоятельно объясняла ему, что определённый артикль «the» происходит от указательного местоимения «that». И совсем уж приуныл, когда она сказала, что артиклей в английском языке достаточно много, что есть четыре типа артиклей: определенный, неопределенный, нулевой, артикль частичного количества, он совсем не понимал, что такое артикли и зачем они вообще нужны. Но постепенно, он собрался, началось все получаться, сказались видно бессонные ночи зубрежки и штудирование соответствующей литературы. Он обратил внимание, что запоминает прочитанное с одного раза, причем не слово в слово, а именно смысл. Всю мишуру и прочее бла-бла-бла его мозг не воспринимал, забывал все сразу и навсегда, оставлял только суть прочитанного. Скорость чтения выросла раз в пять. У него даже стали глаза уставать, и голова шла кругом от такого огромного потока информации. На русском в школе говорили редко, только по-английски и по-немецки, а если кто-то и пытался, то уже не задерживался в этом заведении. Порядок был железный! Наконец выпускные экзамены, и он, через пень-колоду, сдал этот ненавистный язык и после сдачи, ему настоятельно рекомендовали, что ни под каким соусом, даже у смертного одра, никогда не говорить, что он выходец из Англии. На худой конец сойдешь за поляка или чеха.

Было теплое, солнечное утро бабьего лета, Шульга проснулся оттого, что солнечный луч, неторопливо перемещавшийся по кровати в течение последнего часа, добрался, наконец, до его лица и уперся в сомкнутые веки своим бестелесным пальцем. Сегодня последний день в спецшколе НКВД, ему предписывалось в 12.00 отбыть в Штаб РККА в Москву. Шульга быстро соскочил с кровати, умылся, почистил зубным порошком зубы и облачился в новенькую коверкотовую гимнастерку, где на каждой петлице искрами горели по два рубиновых кубаря. Изнурительная трехгодичная учеба в школе подошла к концу и вчера начальник спецшколы, зачитал приказ об успешном окончании школы с отличием и присвоении ему звания лейтенант. Вечером, как полагается, обмыли звание, но лимонадом и только! Не стоило начинать службу с больной головой. Шульга покидал в свой фибровый чемоданчик немудреный скарб и направился прощаться с преподавателями, когда визит вежливости был соблюден, он, окинул последним взглядом школу, мысленно поблагодарил за все и потопал к КПП. Город просыпался, люди стайками бежали на работу, учебу, службу, у каждого было свое предназначение в этом мире. Новенькая гимнастерка и кубари лейтенанта привлекали взгляды девушек. В офицерской форме Шульга был хорош! Но он, как серьезный молодой офицер только усмехался и двигался к вокзалу. Служба обязывало явиться строго в назначенное время, у него просто физически, не оставалось времени на флирт с девушками. Быстро оформив требование в воинской кассе, он вышел на привокзальную площадь, поезд опаздывал на полчаса, было время собраться с мыслями и прогуляться. Что его ждет на этой не простой службе? Подошел шипящий паром громогласный поезд, с паровоза сбежал по лестнице чумазый помощник и быстро стал обстукивать буксы колесных пар. Шульга никогда не понимал, зачем они это делают. Показав проводнику командировочное предписание, он прошел в купе и до самой Москвы завалился спать. Поезд быстро набрал скорость, назад рванули поля, перелески, посёлки. За окнами не кончалась припухшая желтизна – предвестник начинающей осени. Пассажиры смеялись, ужинали, разговаривали в коридоре, слева за стенкой капризничал ребёнок. Все эти звуки наползали друг на друга, колыхались по всему вагону. В тусклом купейном свете на столике скудный продуктовый набор из привокзальных ларьков. Путь из Ленинграда в Москву прошел без эксцессов, не считая того, что, к нему в купе на станции Гатчино, зашел невзрачный человек и предъявил удостоверение военной контрразведки МО, настоятельно рекомендовал прибыть по совсем иному адресу. Так он оказался в центральном 4 управлении при НКВД СССР, где преподавали совсем другие дисциплины. Еще три месяца, ему вдалбливали создавшуюся военную и политическую обстановку в Европе, акцентируя его внимание на Германии, Польше, Прибалтике и Западной Украине. Познакомили с шифрованием и химическими веществами,

которые определенным образом действовали на человека и совсем уж секретно, показали оружие тайных убийц из Японии. Несколько изобретений он решил запомнить и при случае изготовить эти смертельные железки.

После известных событий, которые Шульга не любил вспоминать, ему, как бы компенсируя его нечеловеческие лишения в прошлом, присвоили звание старший лейтенант. В марте 1943 года его неожиданно отозвали из Красноводска, что в Туркмении, где он работал старшим оперативником в Особом отделе на нефтеперерабатывающем заводе. Объект был стратегического назначения – производил топливо, так нужное фронту, уже почти два года шла война. Только недавно на территории Средней Азии окончательно покончили с басмачеством, но поток классовых вредителей, засланных шпионов на территорию Туркмении из Ирана, не иссякал. После раскрытия, ареста и частичного уничтожения группы диверсантов, которые подорвали два нефтеналивных состава, ему и присвоили, в виде поощрения, новое звание. Не такой работы хотел Шульга – не такой. Не мог он гнобить порой ни в чем не повинных людей, за сломанную ветхую задвижку, за брак важной детали или за банальное опоздание на работу, да и опыта в этих делах у него не хватало. Уже позже, Шульга с горечью вспоминал свои первые дела. Не умел вести допросы, спешил с выводами, не было умения сравнивать главные и косвенные улики и выбирать искомое, не было опыта в обращении со свидетелями и подозреваемыми. Много, очень много было сделано ошибок, когда Шульга только вступил на путь контрразведчика в условиях войны. Но работал он на совесть, честь мундира ни разу не запятнал, себя компрометирующими фактами не замарал, редко придерживался безосновательного обвинения и всегда старался докопаться до истины. Он рвался на фронт, но его по каким-то непонятным причинам придерживали. И наконец, этот день настал.

1943 год. Степной фронт

– Разрешите? Здравия желаю товарищ майор! Шульга вытянулся в блиндаже и поприветствовал находящегося там офицера. В блиндаже, в огороженном плащ-палаткой, углу, находился еще один человек, стройная, миловидная девушка в звании лейтенанта, она сосредоточено, что-то писала в тетрадь возле попискивающей радиостанции.

– Майор Григорьев, Шульга крепко пожал руку седому плотному мужчине с грустными глазами и застыл возле стола.

– Полегче, полегче, где же тебя медведя так выкормили! Я дяденька в годах и кости мои уже изрядно изношены. Проходи. Кто таков? Доложитесь по форме старший лейтенант!

– Старший лейтенант Шульга Александр Николаевич, прибыл, для прохождения дальнейшей службы. Шульга поежился, предательски жал воротничок стоечка новой формы, он никак не мог привыкнуть к новой форме одежды для рядового и начальствующего состава РККА. В ней появились погоны и воротник «стоечка,» их ввели в начале 1943 года, старые кубаря в довоенных петличках были привычнее. Григорьев скептически осмотрел новую, с иголочки, форму Шульги, – Что вырядился, как на парад? Есть полевая форма? – Никак нет товарищ майор! Григорьев крикнул в открытую дверь, – Сидоров, зайди!

– Я, товарищ майор! В дверях появился маленький, как на живчиках, шустрый старшина, – Выдать старшему лейтенанту полевую форму и закрашенные защитной краской звездочки, иначе наш бравый старший лейтенант непременно падет жертвой немецкого снайпера. Сидоров замялся, – Товарищ майор, коверкотовой офицерской гимнастерки не имеется, только хлопчатобумажная, солдатская!

– Тащи, чай не барин и в солдатской гимнастерке походит! – Есть! Я мигом! Григорьев, приглашая Шульгу, присел на скамью, – Парадная форма пока вам не нужна, разведчики диверсанты на ту сторону не ходят в парадной форме и со знаками различия! Личные документы, семейные фотографии, награды, если имеются, парадную форму сдать и на время

забыть. В штабе дивизии по моему представлению вам выдадут новое удостоверение. Майор взял в руки личное дело Шульги и с интересом стал листать пожелтевшие страницы.

Что за… твою Волоколамскую дивизию! – майор впился взглядом в одну из страниц.

– Вы репрессированный? Урка или политический? И, что, по фене ботаем – нигде не работаем? – Товарищ майор, воровские понятия знаю и по фене ботать могу лучше любого блатного, но жить по этому, драконовскому закону не хочу и не буду! И уркой никогда не был – нет особого желания. Душа другая! Товарищ майор, я бывший репрессированный, повторяю, бывший, реабилитирован вчистую с восстановлением звания, прав и наград. Статья 58.1, часть вторая 8 лет без права переписки и поражение в правах, снята за неимением состава преступления.

– Что, шпионом и врагом всемирной революции оказался? – Вроде того!

– Мне это знакомо! А как же образ военного контрразведчика, с горячим сердцем и холодным умом? Опыт не пропьешь и в лагере не засидишь! Так, да?

– Товарищ майор, а мой образ разведчика за время, проведенное на Колыме, не успел еще сильно потускнеть, а обижаться, я буду только на себя, мне надо было вовремя разбираться со своими женщинами!

– Вот как! Впервые слышу, чтобы женщина, своими телесами и выпуклостями, упекла мужчину на цугундер по политической статье! И много вас там таких сознательных и не сломленных? – Пол Колымы! И все они горят желанием воевать за нашу Родину! Вы разве не знаете, кто там обитает? Считается, что у этих людей начисто отсутствует чувство страха и воевать они будут не за страх, а за совесть. Этот народ уже ни чем не испугаешь, хуже, чем там, в любом случае не будет!

– Да, за исключением, что здесь иногда убивают!

– Там тоже ты не бессмертен, ворье и злобная администрация все делают для того, чтобы укоротить твою бренную жизнь. Григорьев ухмыльнулся и продолжил напористо наступать на Шульгу, – Ладно, чисто психологически можно допустить, что такой контингент обладает определёнными способностями и способен на поступки, но морально они, разве не полностью разложившиеся личности? Шульге пришлось не менее эффективно отбиваться, – Вы не правы, товарищ майор! Не мне вам рассказывать, что в НКВД, к принимаемым на службу сотрудникам всегда предъявляли повышенные требования. Особенно в вопросах физической выдержки и психологической выносливости. Плюсами при приеме были также высокая эрудированность и интеллект. А кто в основном сейчас находятся в местах не столь отдаленных? Не будем сейчас брать во внимание законность и причины этих политических преследований. Со мной сидели, профессора, ученые, доктора наук, физики, химики, философы и первоклассные разведчики, когда я с ними общался, то и половины мудреных словечек не понимал, когда они начинали между собой спорить. Вот где кузница для высококлассных разведчиков и диверсантов!

– Старший лейтенант, скажу тебе по секрету, а ведь это начальник 1-го отдела НКВД СССР В. Меркулов и главный диверсант СССР Судоплатов вышли с просьбой к Лаврентию Берии, а потом и к Иосифу Сталину, освободить всех профессиональных разведчиков и высокоэрудированных людей из заключения, ты видно тоже попал под эту гребенку. Григорьев внимательно продолжал изучать личное дело Шульги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.